

ГОРЬКАЯ БРУСНИКА

Медведская Н.Б.

16+

Наталья Медведская

Горькая брусника

«Автор»

2015

Медведская Н. Б.

Горькая брусника / Н. Б. Медведская — «Автор», 2015

ISBN 978-5-532-12730-2

Рядом с селом Вереево четвёртый год, в один и тот же день, находят убитых девушек. Полиция безуспешно разыскивает маньяка, а местные жители во всём подозревают нечистую силу. Даже кандидатуры на роль убийц определены, мол это ведьмы и колдуны приносят девственниц в жертву во время шабаша. Героиня романа Настя отправляется в проклятое село на поиски пропавшей сестры. Желание выяснить, что произошло с Алёной, окажется сильнее страха. Настя не подозревает, сколько странных личностей встретит в Вереево и что в результате раскопает. Её чувства и взгляды подвергнутся основательной встряске. Наградой за все мучения Насти станет любовь.

ISBN 978-5-532-12730-2

© Медведская Н. Б., 2015

© Автор, 2015

ГЛАВА 1

Разница в возрасте в восемь лет – это много или мало? Когда мне было девять лет, моей старшей сестре Алёне исполнилось семнадцать. Взрослая девушка и играющая в куклы младшая сестренка, что между нами могло быть общего, кроме родства? Правильно – ничего. Разница в возрасте оказалась непреодолимой. Я была в третьем классе, когда Алёна уехала поступать в университет Культуры и Искусств города Краснодара. Моя сестра всегда пела. Её приятный, звонкий голос звучал в душе, во время уборки дома и просто так от хорошего настроения. Такой я её и запомнила, все последующие превращения Алёны не смогли стереть из моей памяти этот образ весёлого и жизнерадостного человека. Я подрастала, превращаясь из несусального подростка в симпатичную девушку, но у меня не было прекрасных голубых очей, пленительного цвета лица или пухлых ярких губ, как у сестры. Алёна внешностью пошла в маму, а на кого смахивала я, родители расходились во мнении. Я выглядела весьма серьёзной особой: карие глаза под прямыми стрелами бровей, тонкий нос, небольшой рот и ямочка на подбородке – всё выдавало упрямство. Характер у меня взрывной, но с раннего детства я стараюсь держать себя в руках, потому что надолго запомнила слова отца после моей очередной истерики.

– Самый неприятный человек тот, кто даже не пытается стать лучше, с ним нет никакого желания общаться. Жаль, если ты, Настя, будешь таким человеком, а всё к этому идет.

Моя сестра в придачу к красивому лицу имела ещё и замечательную фигуру, а если к описанию её облика добавить длинные белокурые волосы, то портрет Алёны будет полностью готов. Я восхищалась красавицей-сестрой и мечтала хоть капельку походить на неё. Домой она приезжала редко, посещениями нас не баловала, хотя мы жили всего в ста пятидесяти километрах от Краснодара. Её приезд становился праздником для всей семьи. Мама пекла любимый рыбный пирог Алёны. Папа во дворе разводил в мангале огонь и колдовал над шашлыками. Родители откладывали все дела, чтобы уделить внимание старшей дочери. Я крутилась рядом, пытаюсь обратить внимание на себя. И если Алёна снисходила до разговора со мной, была на седьмом небе.

Я училась в десятом классе, когда сестра приехала в гости с молодым мужчиной. Алёна хотела познакомить родителей с будущим зятем. Вадим Веденин очаровал моих родителей с первого взгляда. Высокий, крупный, таких ещё называют представительными, и голубоглазый, как моя сестра. Его густые светлые волосы красивыми волнами ложились в причёску, губы были яркими, будто покрашенными. Он производил впечатление ухоженного и аккуратного человека. Я не понимала, чем Вадим всем так понравился. Выбор сестры сильно разочаровал меня. Алёна не сводила с него влюблённых глаз и никого не видела вокруг. Я заметила, каким цепким и оценивающим взглядом, он окинул наш двор и дом. Презрительная усмешка тронула пухлые влажные губы. Увидев, что я наблюдаю за ним, мужчина тут же широко улыбнулся мне.

Пока папа с Вадимом жаривали шашлык под высокой виноградной беседкой, мама, перемешивая овощной салат в миске, активно расспрашивала Алёну.

– Что вы собираетесь делать дальше?

Сестра перекинула за спину причудливо заплетённую косу. Тень досады промелькнула в её глазах, но голос зазвенел радостно.

– Вадик работает в хирургическом отделении клиники. Нам нужно встать на ноги, зарабатывать деньги. Ты же знаешь, мама, что мой фольклорный ансамбль только-только начал приносить доход. Вот соберём деньги и тогда сыграем свадьбу, а пока снимем квартиру.

Я молча вытирала бокалы льняным полотенцем, слушая о её планах на будущее: о фасоне свадебного платья, о медовом месяце на море, о квартире в ипотеку. И честно сказать, впервые не завидовала сестре: мне не по душе оказался её избранник. Я смотрела в кухонное окно на отца и гостя – сравнивала их друг с другом. Оба мужчины высокие, почти под метр девяносто,

крепкого телосложения, но Вадим производил впечатление лощёного господина, на мой придирчивый взгляд ещё и скользкого, как угорь. Отец же и смешинкой в уголках губ, и добродушным выражением лица, и даже белым пушком, венчиком окружающим его лысую макушку, вызывал доверие. Я злилась, наблюдая, как папа всеми силами пытается развлечь гостя. Вадим же рассеяннo слушал отца, а его блестящие немного навывкате глаза выражали скуку и плохо скрытую насмешку. Избранник сестры вызывал у меня такую острую неприязнь, что я с трудом скрывала её, боясь обидеть сестру. Мне кажется, Веденин сразу догадался о моей антипатии к нему, потому что почти демонстративно старался со мной не общаться. А вот наша мама ему очень понравилась. Когда она водила его по участку, показывая свои клумбы, он совершенно искренне восхищался её цветами и кустарниками. Мама осталась в восторге от будущего зятя. Они легко нашли общий язык.

Следующий год запомнился мне бесконечной подготовкой к экзаменам и суматохой при поступлении в тот же университет, но на иную кафедру, чем у Алёны. Я выбрала другой профиль – хореографию. С детства моей страстью были танцы. Как рассказывал папа: уже в годик меня могла утихомирить только музыка. Родители заметили: стоит зазвучать танцевальным ритмам, и я выпадала из реальности. Могла по часу неуклюже топтаться под незамысловатые попсовые песенки. Честно сказать, лет до пяти я себя не помню. Первое воспоминание – концерт в доме культуры. На сцене детский ансамбль выплясывает «Калинку». Моему восторгу нет предела. После концерта прошу маму отвести меня к ним. Так я начала заниматься танцами.

Одиннадцать лет я металась в бермудском треугольнике: дом, студия танцев, школа. В этом треугольнике непонятным образом ускорялось время. Его у меня всегда не хватало, поэтому занимала только одну подругу – Киру. С ней я сидела за одной партой в школе, с ней разучивала новые танцевальные движения и ей же звонила по вечерам пошептаться. Большим ударом оказался для меня отказ Киры поступать вместе со мной в университет. Подруга, виновато потупившись, сообщила:

– Насть, я по горло сыта танцами, не хотела тебя расстраивать, но они осточертели мне. Ты любишь танцевать, а я ходила в клуб за компанию с тобой. Собираюсь в Политех на экономиста. Мы будем учиться в одном городе и сможем видеться.

Кира расписывала, как всё устроится, но я поняла: дальше пойдём порознь. Именно тогда окончательно осознала: мы повзрослели. У каждой начался новый этап жизни. Пришла пора расстаться с родителями, друзьями, родным домом. Я уяснила торжественность момента и на глаза навернулись слезы. Кира всполошилась:

- Прости, не хотела тебя расстраивать. Молчала, сколько могла.
- Всё нормально. Прощаюсь с юностью, – ответствовала я гордо, смахивая влагу со щёк.
- Да ну тебя! – Глаза у Киры подозрительно заблестели.

ГЛАВА 2

Теперь я жила в одном городе с сестрой, но мои надежды стать к ней ближе, не оправдались. Алёна редко находила время для общения со мной. На первом курсе я старательно напрашивалась к ней в гости, хотела, чтобы она поняла: её младшая сестренка выросла. Теперь со мной можно общаться на равных. Поначалу мне было довольно одиноко в незнакомом городе. Я скучала по родителям, по дому, друзьям и поэтому пыталась прислониться к единственному родному человеку, находящемуся рядом. К моему огромному сожалению, Кира провалилась на собеседовании в Краснодарский политехнический институт и повторила попытку в Самаре.

В этом городе проживала её тетка, учился старший брат, и она уехала туда. Теперь с подружкой мы только перезванивались, я отчаянно тосковала по ней.

То, что Алёна моим визитам не рада, я сообразила не сразу. Во время наших редких встреч сестра сухо отвечала на вопросы, рассеянно теребила в руках бумажные салфетки и откликалась невпопад. На квартире она жила одна, будущий супруг время от времени навещал её. Если я заставала Вадима у сестры, то буквально кожей ощущала её недовольство. Тогда старалась максимально сократить визит и торопливо убраться восвояси. Будущего родственничка я сильно раздражала, наша антипатия друг к другу оказалась взаимной. И если я скрывала это, то Вадим не считал нужным. Он мог высказать нелицеприятное мнение о моём внешнем виде, причёске, уме. Мужчину просто бесила моя привычка пританцовывать при первых же звуках красивой мелодии. По-моему, рядом с ним я просто тупела, боясь сказать лишнее слово. Чтобы лишний раз не встречаться с избранником сестры, взяла за привычку сначала ей звонить. Всё чаще в ответ раздавалось: «Извини, занята, перезвоню, когда освобожусь». И не перезванивала. Я обижалась и старалась эту сладкую парочку тревожить как можно реже.

Домой я ездила часто. Мама всегда подробно расспрашивала меня об Алёне. Она была уверена, что её ненаглядная девочка всю опекает и помогает мне. Я не хотела расстраивать маму и бодро отвечала: «Всё просто замечательно». Нужно отдать должное сестре, изредка она и вправду помогала – отдавала свои вещи, подкидывала деньги на мелкие расходы.

В начале моего третьего года учебы Алёна купила квартиру и позвала меня отметить это радостное событие. Я прискакала по указанному адресу с тортиком в руках. Дом, в котором сестра приобрела квартиру, находился почти в центре города, в старых застройках. Я вошла в тенистый, уютный двор. Звуки большой, шумной улицы, запруженной автомобилями, сразу исчезли. Время здесь застыло, даже воздух казался другим. Там едкий запах автомобильных выхлопов, горячего асфальта, потных тел, а тут тишина. В тени огромных платанов расположились старинные чугунные лавочки, песочницы с грибками и качелями. И не поверите: пели птицы, ну или чирикали, но так замечательно. Я поднялась на четвертый этаж пятиэтажного дома. Мама родная... какие высокие потолки в подъезде. На мой звонок дверь открыла Алёна, в коридор из комнаты выглянул Вадим. Сестра обняла меня, он дружелюбно помахал рукой. Хотелось протереть глаза, раньше меня так никогда не встречали. Алёна торжественно провела по всей трехкомнатной квартире. Большие светлые комнаты были полупусты, но на окнах уже висели светло-кремовые шелковые шторы с ламбрекенами, на потолке хищно изогнула стальные лапы дорогушая люстра.

– Ну как? – Алёна нетерпеливо дернула меня за руку.

– Блеск, шик, красота! – ответила я словами Элочки-людоедки¹.

– Полюбовалась и хватит. Пора к столу.

Вадим подтолкнул нас в сторону кухни.

Стол ломился от закусок. Будущий родственничек открыл бутылку шампанского и наполнил бокалы. Я стараюсь не пить, к сожалению, приняв на грудь, перестаю себя контролировать. Не подумайте, что лезу в драку, выясняя отношения или пристаю. Нет. Просто из меня так и прут неудобные вопросы и дурацкие рассказы. Я держалась, сколько могла. После четвёртого бокала, придерживая голову рукой, сфокусировала взгляд на Вадиме и осведомилась у него:

– Ну, теперь то вы поженитесь или продолжите жить порознь?

Сестра покраснела и закашлялась.

Веденин разозлился:

– Ты первая узнаешь, не волнуйся. Мы не торопимся. Не хотим надоесть друг другу. –

Он повернулся к Алёне. – Правда, солнышко?

Она кивнула и опустила голову. В её глазах я успела заметить горечь и сожаление. И тут меня накрыло... Медленно обвела взглядом холёное лицо несостоявшегося родственничка,

живописные волны волос на голове, ухоженные руки, рубашку, застегнутую на все пуговички, узкий галстук, запонки в тон наряда, и поинтересовалась:

– Сколько ты времени тратишь на причёску? Чем завиваешь кудри, подскажи, воспользуюсь твоими советами.

Я догадывалась, что Вадим обожает свою внешность и уделяет себе любимому много времени, но как всякий уважающий себя мужчина ни за что в этом не признается. Он дёрнул плечом и неожиданно визгливым голосом сказал:

– Убедилась, Алёнушка, насколько твоя сестричка не воспитана. В нормальный дом её нельзя пускать, опозорит!

Я сжала зубы и стала считать про себя, не слушая дальнейшее бухтение себялюбца в мой адрес. А память услужливо подбрасывала воспоминание за воспоминанием.

Вот Вадим критически осматривает мой наряд и небрежно бросает: «Настя, моветон носить копеечные джинсы, лучше купить одни, но дорогие и добротные».

Будто не знал, что у меня нет денег. Даже эти дешёвые джинсы у меня единственные. Одежда для занятий танцами отнимала большую часть моих скромных доходов. В другой раз Веденин критикует мою причёску, она показалась ему слишком мальчишеской.

– Настенька, сейчас прекрасно наращивают волосы. И даже с твоими негустыми лохмами что-нибудь сделают, только обратиться к хорошему мастеру. А ещё тебе лучше носить юбки и платья, тогда хоть какая-то женственность появится.

Конечно, мне до Алёны далеко, но я не уродка и мне не нужны чужие наращенные космы.

– Ты должна научиться помалкивать, тогда сойдёшь за умную, и прекрати дрыгаться под идиотскую музыку. И выпрямись, сидишь, как клуша, – сыпал он замечаниями, застав меня у Алёны в гостях.

Сидеть клушей я не могла, у меня ровная спина: осанка выработана долгими годами тренировок. А разговаривать с ним всегда было трудно. Он выворачивал любую сказанную мной фразу на свой лад и выставлял перед сестрой идиоткой. Только ради Алёны и родителей я терпела этого лощёного типчика и держала язык за зубами.

– Первый раз встречаю девушку, не умеющую пользоваться косметикой, на тебя второй раз без слез не взглянешь, – заявил он однажды при встрече, мгновенно испортив мне настроение.

А я редко использовала косметику из-за аллергии. Берегла кожу, театральный макияж всякий раз вызывал жуткий зуд и раздражение. Только недавно я обнаружила безопасные для меня тени и тушь, но пользовалась ими нечасто.

Вот и теперь Вадим закончил поучительную речь и уставился на меня взглядом змеи.

– Искренне хочу помочь тебе, воспитание никому ещё не повредило.

– Не поздно воспитывать? Мне двадцать лет, – усмехнулась я. Меня подташнивало. Съеденный кусок торта упал в желудок камнем, а после «ласковых» слов Веденина никак не хотел перевариваться.

– Поумнеть никогда не поздно. – Он промокнул губы салфеткой. – Умных людей слушай и всё будет в порядке.

– Постараюсь, – покривила я душой. – Ещё раз поздравляю с покупкой. – И обвела рукой хоромы сестрицы. – Мне пора. Нужно готовиться к экзаменам.

На третьем курсе я ушла из общежития на квартиру. Так было удобнее заниматься, поднадоел шум и гам развесёлой общаговской жизни. На новом месте я прожила всего три месяца. Хозяйка квартиры приревновала меня к молодому мужу – пришлось срочно съезжать. Я пришла к Алёне с вещами. Сестричка встретила меня неласково.

– Ты что решила переехать ко мне? Это исключено. – Алёна нахмурилась. На минуту задумалась, потом просияла: – Бери сумку. Едем. Поселю тебя у Аллы. Она уезжает в Германию и просила подыскать надёжную квартирантку. О тебе я и не вспомнила, а это хороший вариант. Плата символическая, но у неё куча растений, за ними придется ухаживать.

Я молча поплелась за сестрой. Честно говоря, мне хотелось сэкономить, пожив у Алёны хотя бы с месяц. Родители оплачивали квартиру, помогали с продуктами, но всё равно с финансами у меня была напряжёнка. Мама с папой старались, как могли, поэтому просить деньги на покупку новой одежды, у меня не поворачивался язык.

– Алён, я не хотела портить вам новоселье, но если честно, разве ты не хочешь выйти замуж и родить ребенка? Тебе уже двадцать восемь, Вадиму больше тридцати. Что мешает вам пожениться?

Сестра сжала губы. Краска отхлынула от лица.

– Не суй нос не в свое дело! Ты думаешь, кроме пелёнок и кастрюль ничего интересного в жизни больше нет? Мы хотим хорошо зарабатывать. Посмотреть мир, не связывая себя детьми.

– А что мешает вам это делать, будучи мужем и женой? – буркнула я. Мне вовсе не хотелось, чтобы Алёна стала женой Вадима. Этот вопрос я задала из-за мамы. Каждый мой приезд домой она пыталась меня и просила узнать, когда же её ненаглядная девочка обретет статус замужней дамы?

– Вадим прав, с тобой невозможно разговаривать, не раздражаясь! – Сестра закусила губу. Её пальцы побелели, сжимая крохотный клатч.

Я смотрела на её сердитое лицо, слушала злые слова и отчетливо понимала: за словесной шелухой чувствуется боль и тоска. Она по-настоящему любила этого гада и давно бы стала его женой, но он почему-то не собирался связывать себя узами брака. По крайней мере, в ближайшее время. Мне захотелось обнять её и утешить.

– Алён, извини, больше об этом ни слова. – Я коснулась кисти сестры. Она быстро отдернула руку и ускорила шаг: не желала, чтобы утешали.

В то воскресенье я видела её в последний раз. Она забежала ко мне на квартиру, нарядная, весёлая.

– Мы с девочками из ансамбля уезжаем в Апшеронский район собирать фольклор и заодно немного отдохнуть. Через три дня тебе исполняется двадцать один, совсем взрослая стала... Вот. Поздравляю тебя с днём Рождения. – Алёна протянула пакет, перевязанный атласной ленточкой.

Я с удивлением заметила повлажневшие глаза сестры и растрогалась: раньше с её стороны не замечала ко мне никаких чувств.

– Спасибо, Алечка! – Я вынула из пакета джинсы, пару классных рубашек поло и легкие льняные брюки. – Вот это подарок! В самую точку. – Кинулась обнимать её и ещё раз удивилась: она прижала меня к себе.

– Ну ладно, у меня мало времени. Будь умницей, не верь мужикам, не слушай их красивые речи. – Алёна шумно вздохнула.

Я засмеялась:

– Это легко сделать, нет у меня никаких мужиков, только партнеры по танцам. Не нашлось хвостика, чтобы рискнул приударить за мной.

Сестра посмотрела на меня так, словно хотела что-то сообщить. Пару секунд она колебалась, потом передумала. Притянула меня к себе, поцеловала в макушку.

– Какая ты мелкая. На целую голову ниже меня. Береги себя, сестричка.

– Пока, – протянула я озадаченно. Она первый раз назвала меня сестричкой. Раньше от неё только и слышала: Настька, Настя.

Экзамен по классическому танцу я сдала на отлично. Остался ещё один экзамен по современному танцу и всё, я свободна как птица. Практику намеревалась пройти в доме культуры родной станицы. Я вернулась из университета и пила чай, когда раздался звонок, разделивший жизнь родителей и мою на две части. Звонил отец.

– Настя, ты должна приехать домой. Побудешь с мамой, а я отправлюсь в село Вереево. Пропала Алёна. Её не могут найти третий день. Нам сообщили в полиции... – Голос отца дрожал, но в нем слышалась отчаянная надежда.

Я похолодела от ужаса. Сразу вспомнилась последняя встреча и необычное поведение сестры. В голову полезли плохие мысли: она что-то предчувствовала.

Я досрочно сдала последний экзамен и вернулась домой. Отец сразу же уехал в Апшеронский район. С мамой было неладно. Она уже выплакала всё слезы и теперь молча лежала, повернувшись лицом к спинке дивана. Я не узнавала всегда ухоженную, опрятную маму в женщине с невымытыми волосами и посеревшим лицом. Алёна и мама внешне очень похожи. Только в сестре ощущалась жёсткость и хитрость, а мама, безгрешная душа, верила всем, и была по-детски наивна. Я всегда догадывалась, что она Алёну любит больше. Старшая дочь не разочаровывала и не спорила с ней. Моя родительница – большая аккуратистка. У нас в доме выглаженное бельё лежало на полках строго по цвету. Паутина и пыль вытирались раньше, чем появлялись. Стекло и хрустальная посуда сверкала, на обеденный стол застилалась белоснежная скатерть. Алёна соответствовала всем представлениям мамы о хорошей девочке: после игры на улице вещи сестры оставались чистыми, на лице ни пятнышка, волосы всегда в порядке. Она не пререкалась с соседями и другими взрослыми. Девочка-ангел, да и только. Я не обижалась на маму потому, что сама восхищалась Алёной. У меня не получалось быть такой как она, сколько ни старалась. С улицы появлялась в синяках и грязная, как чёрт. Меня не допускали к столу, сразу отправляли в ванную. На скатерть я вечно проливала суп и компот, от чего получала выговор от мамы. На мои уговоры постелить, как у всех, клеёнку, она гордо вскидывала голову.

– Пока я хозяйка в этом доме, вы будете есть как воспитанные люди.

Я старалась, честно старалась, но вечно попадала впросак. То опрокидывала лак для ногтей на трюмо и, пытаясь стереть, делала только хуже, то стирая, в белое бельё нечаянно кидала цветное, и оно, подлое, обязательно линяло. Всех своих проступков и не перечислить. Когда сестра уехала учиться, я потребовала комнату в свое полное распоряжение.

– В моей комнате – мои порядки. Сама всё делаю и прошу ничего не трогать.

Бедная мама не могла без содрогания смотреть на мой бедлам. Книги и журналы лежали, о боже, раскрытые! Вещи висели на стуле, а не в шкафу, кровать была часто помята. Кошунство! Днём я иногда лежала на ней и не поправляла покрывало каждые пять минут. Постельное бельё могла застелить, не погладив. И самое страшное: разделить комплект – постлать пододеяльник в ромашку, а простынь в горошек. Надо отдать должное, мама негодовала, но уважала мое личное пространство. Она у меня отходчивая, поругает и успокоится. Мама работает учителем в школе, преподаёт французский язык в старших классах. Эта работа очень подходит ей. Представьте изящную женщину среднего роста. Светлые волосы уложены в причёску, красивое лицо спокойно, одежда с иголочки, манеры дамы из высшего общества – вот так выглядела моя мама. А теперь она лежала на диване, и ей было всё равно, что кругом слой пыли,

что посуда не мыта, что сама похожа на замарашку. Я принялась наводить порядок, сварила бульон и заставила её поесть.

Через три дня вернулся отец. Он осунулся и похудел.

– Дима, не томи, – простонала мама, глядя на него потемневшими глазами. – Рассказывай.

– Тонечка, ничего неизвестно. На берегу реки нашли вещи Алёны и её сумку с телефоном. Я написал заявление в полицию. Возбудили уголовное дело. Как мне сказал дознаватель, начато предварительное расследование. Они собирают доказательства, чтобы установить, случилось ли преступление? Создали оперативную группу, проводят розыскные мероприятия.

Отец намеренно говорил сухим казенным языком, чтобы показать матери: делается всё возможное для поиска дочери. Но я заметила его дрожащий усталый голос и потухшие глаза.

– Водолазы обшарили реку, нашли разорванный купальник Алёны. Он зацепился за камни под водой.

– Боже мой, бедная моя девочка, – заплакала мама. – Не верю, не верю, что Алёна утонула. Она жива, я чувствую это. Мать всегда поймет, что с её ребенком.

Отец вздохнул и вышел из комнаты. Мама снова легла на диван. Я посмотрела на неё. Сердце зашлось от боли и жалости. Мне тоже не верилось в гибель Алёны. Казалось, беды и несчастья происходят где-то там, далеко, а с нами просто не может это случиться. Я присела на краешек дивана и осторожно погладила маму по спине.

– Настя, пожалуйста, оставь меня одну, – прошептала она.

Мама прогоняла меня, не желая разделить со мной горечь потери. От обиды у меня сжалось горло, но потом я сумела справиться с гневом и отругала себя: «Эгоистка, только о своих чувствах и думаю».

Я нашла отца на кухне. Во время его рассказа мне показалось: он знает больше, чем сказал нам.

– Пап, что тебе ещё сообщили в полиции?

– Насть, я взял отпуск, побуду с мамой, а ты возвращайся в Краснодар.

– Папа! Не уходи от ответа. Я не слаонервная девица, рассказывай. – Отодвинув табурет, я под села к столу.

Отец держал в руках кружку с чаем. У него был измученный вид, под глазами залегли тёмные круги.

– В том селе, где пропала Алёна, третий год подряд, в середине июля, находят убитых девушек. Первую обнаружили в реке, но туда она попала уже мёртвой. Её ударили ножом в спину. На двух других натолкнулись в лесу грибники. Девушки лежали в неглубоких ямах, чуть присыпанные землей и листвой. Меня просветили, что у всех троих одинаковые раны – значит, их убил один и тот же человек. В Вереево местные жители говорят о маньяке, который нападает на молодых женщин. Я не сказал маме, но на камнях возле вещей Алёны нашли кровь, а в её сумочке лежал испачканный кровью носовой платок. Девочки из ансамбля сообщили, что вечером у Алёны носом шла кровь, и она вытирала её этим платком. Кровь на платке совпала с той, что на камнях. Следовательно, ведущий дело, предполагает: на неё напали и ударили по голове. С момента исчезновения Алёны прошло уже пять дней. Я чувствую себя беспомощным. Хочу верить: она найдется, но всё вещи на месте, а дочери нет... – Папа закашлялся и вытащил сигареты. – Выйду во двор. – Он торопливо поднялся со стула.

Отец не курил лет пятнадцать, а теперь снова начал. Я глянула в окно. Он присел на скамейку возле липы. Его плечи вздрагивали.

Ничего нет хуже неизвестности. Я не могу просто сидеть и ждать. Нужно поехать в Вереево и узнать всё, что можно. Решу проблему с практикой и попробую сама разобраться в этом деле. Я не услышала, как на кухне появилась мама.

– Настя, нужно сообщить Вадиму, что Алёна пропала. Ему никто не сказал, а он, конечно же, волнуется и переживает, почему от неё нет звонков?

Мама придерживала рукой полы шелкового халата, её пальцы вздрагивали.

– У меня нет номера Вадима.

– Как нет? Ты же часто с ними виделась? Почему ты всегда думаешь только о себе и не записала его номер? – рассердилась мама.

«А мне никто его не давал, и не так уж часто я видела их», – подумала я, но вслух произнесла:

– Мне нужно вернуться в Краснодар, кое-что сделать в университете. Заодно съезжу к Вадиму и всё ему расскажу.

– Будь добра, – сухо произнесла мама и посмотрела на меня тусклым невыразительным взглядом. Она пригладила ладонями растрепавшиеся волосы, налила в кружку воды, не замечая, что проливает её на полированную поверхность обеденного стола. Полы халата распахнулись, показалась не свежая ночная рубашка. Держа кружку перед собой, мама вышла из кухни.

Мне было очень горько, наконец, я доросла до сестры и могла общаться с ней на равных, а её не стало. Мама вся ушла в своё горе, не замечая, что нам с отцом тоже не сладко. Я с детства тянулась за сестрой, а с пятого класс даже пыталась ей подражать, в манере говорить и одеваться. Правда быстро поняла: выгляжу глупо, поэтому быстро прекратила обезьянничать. Как-то мне довелось подслушать разговор отца с его матерью, а моей бабушкой Катей.

Я и Кира рисовали наряды к бумажным куклам, дверь в кухню была открыта и мы с подругой прекрасно слышали каждое слово из их беседы.

– С Алёной проблем нет: ни в школе, ни дома, а вот на Настю жалуются и учителя, и родители учеников. Она упряма, как осел. Будет гнуть свою линию, даже если не права. А уж чтобы она попросила прощения за свои проступки это вообще из области фантастики. Мы явно упустили её воспитание.

Я наострила уши: всегда интересно слушать о себе. Раздался мелодичный стук чайной ложечки о тонкую фарфоровую чашку. Бабуля любила сладкий чай и в небольшую чашку сыпала три ложки с горкой.

– И ты, и Тоня подходите с одинаковыми мерками к дочерям. Помнишь, как годовалая Алёна переходила через высокий порожек в зале?

Послышался папин смех.

– Малышке стоило шлепнуться на попу один раз и всё: дальше она переползала через порог только на четвереньках.

– Вот, – протянула бабушка. – А как поступила Настя, забыл?

– Нет, – снова засмеялся папа. – Разве такое забудешь. Мы терпеливо наблюдали, как она падает и упорно встает снова. Потом мое терпение кончилось, я перенес Настю через порог. А она с ревом вернулась к дверному проему и продолжила попытки.

– Точно, – до нас с Кирой донёсся весёлый бабушкин голос. – Настя уперта до крайности. Её упрямство нужно направить в нужное русло. Ещё никому не помешали настойчивость в достижении цели и способность не бросать начатое дело на полпути. Прекрасное качество. А вы просто наказываете её. Этим только усугубляете положение. Сколько времени девочка проводит в углу?

Папа пробормотал что-то неразборчивое.

– Конечно, приятнее, когда ребенок слушается, понимает с полуслова и не доставляет хлопот. Такого легко любить.

– Мам, ну что ты говоришь! Мы очень любим Настю, – возмутился папа.

– А я и не спорю с этим. Но признайся, на неё ты кричишь чаще и особо не разбираешься в мотивах поведения девочки, – гнула бабушка свою линию.

Я почувствовала признательность и горячую любовь к бабушке Кате. Она понимала меня. Подружка тоже слышала весь разговор. Кира показала мне язык и прошептала:

– Ты упрямая барашка.

Я быстро справилась со своими делами на кафедре и теперь ломала голову кому поручить уход за цветами на квартире хозяйки. Помощь пришла, откуда не ожидала. Позвонил мой постоянный партнер по танцам.

– Насть, я тебя никогда не просил, но тут такое дело. Пусти на хату. На одну ночь. Буду должен тебе по гроб жизни. Ты бы видела её – богиня!

У Дмитрия все девушки – богини, пока он не переспит с ними. Я ещё не встречала человека любвеобильнее моего коллеги. Поначалу он даже меня пытался кадрить, пока я не объяснила ему: не стоит гадить там, где живёшь.

А это идея! При всей безалаберности в отношениях с девушками в житейском смысле на него можно положиться. Он всегда выполнял всё, что обещал.

– Мить, у меня к тебе деловое предложение. Я знаю, ты остаешься на практику в городе. Можешь ночевать в квартире моей хозяйки, но за это будешь через день поливать цветы. Идет?

– А ты куда намылилась?

– Я же говорила тебе, у меня под Апшеронском пропала сестра. Хочу понять, что произошло. Поеду в Вереево.

В трубке слышалось сопение, звуки возни и смех. Митя явно был не один. Я хотела уже отключиться. Но тут донёсся его обеспокоенный голос. За три года учебы он успел изучить меня и не раз вместе со мной попадал в различные истории и происшествия.

– Настя, это дело полиции, не вмешивайся. Зря ты это затеяла.

– Я спросила тебя: согласен? Или мне искать другого поливальщика?

Из трубки раздался преувеличенный вздох.

– Согласен. Твои цветочки будут, как огурчики. Может, тебе помочь? Хочешь, я с тобой поеду?

– Не надо. Ты главное не разгроми квартиру, Казанова.

Я положила трубку. Так, проблема с зелёными насаждениями решена. Как же мне теперь найти Вадима? У меня нет номера его телефона, понятия не имею, где он живет. Зато знаю, где он работал. Веденин трудился в хирургическом отделении онкологической клиники. Пока я размышляла, как сообщить мужчине моей сестры, что, скорее всего, Алёны нет в живых, раздался звонок в дверь.

На пороге квартиры стояла колоритная парочка. Маленького роста, круглый, как колобок, крепыш с совершенно лысой головой и высокий, похожий на гориллу, сутулый мужчина, заросший шерстью по самые глаза, с неправдоподобно длинными руками.

Идиотка! Открыла дверь, даже в глазок не удосужилась посмотреть. Сейчас прихлопнут, как муху, и пикнуть не успею.

Колобок, заметив испуг и недоумение на моем лице, показал красную корочку.

– Мы оперативники из Апшеронска, помогаем следователю проводить розыскные мероприятия. Хотим задать вам несколько вопросов. Можно войти? Или вызвать вас повесткой?

Я облегчённо вздохнула:

– Конечно, проходите.

Горилла пробурчал что-то невразумительное.

– Скажу, что знаю, – хрипло произнесла я и покашляла, прочищая горло. Потом отступила в сторону, пропуская их в квартиру.

– Чудесненько, – колобок потер пухлые ручки и прошел в квартиру. – Что говорила тебе сестра перед отъездом? – задал он первый вопрос, устраиваясь на диване в гостиной.

Горилла сел на стул у двери. Я постояла в дверном проеме и тоже решила присесть в кресло у окна.

– Вы бы хоть представились, господа полицейские.

– Извините, мадам. Меня зовут Антон Георгиевич, а его, – колобок махнул головой в сторону гориллы, – можно величать просто Дженибеком. Так что сказала Алёна?

– Сестра забежала на пять минут, чтобы поздравить меня с днём рождения. Вручила подарок, сказала: уезжает в Верево за песенным материалом. Больше я её не видела.

Меня почему-то беспокоили незванные гости. В моем представлении следователи выглядят несколько иначе. Чтобы занять руки, я принялась обирать засохшие цветки с узамбарской фиалки и складывать их на подоконник.

– Как часто вы виделись с ней? – Толстяк поерзал на диване, короткие ножки не доставали до пола.

Я оглянулась на гориллу, и мне сильно не понравился его взгляд. Джанибек выглядел как человек, который, не задумываясь, зарежет собственную мать.

– Раз в три месяца не чаще. Алёна всё время занята. Я учусь, как вы уже знаете. Скажите, как продвигается расследование? Узнали, кто погубил сестру? – мой голос дрогнул, я судорожно сжала руки в замок.

– Пока нет. Ищем. Алёна говорила вам, откуда взяла деньги на покупку квартиры? – Антон Георгиевич впился взглядом змеи в мое лицо и сразу перестал смахивать на добродушного сказочного колобка.

Я удивилась вопросу.

– Она не делала из этого секрета. Сестра взяла ипотеку, что-то добавил её жених, часть собрала сама. Ансамбль стал неплохо зарабатывать, – пояснила я, глядя на удивлённое лицо толстяка.

Дженибек принялся разминать руки. Послышался характерный хруст пальцев. Я непроизвольно скривилась: терпеть этого не могу. Толстяк тоже сморщился, бросил сердитый взгляд в сторону напарника и задал мне следующий вопрос.

– С её женихом вы общались?

– Редко. И не горела желанием видаться чаще.

«Странные вопросы он задает, – подумала я. – Хотя откуда мне знать, какие вопросы задают следователи, ну или опера».

– Он вам не нравился, почему? – поинтересовался догадливый Антон Георгиевич.

– Мне не приятен такой тип мужчин. Наверно, у нас с сестрой разные вкусы.

Горилле, видимо, надоело сидеть. Он поднялся и стал осматривать квартиру. Я забеспокоилась: ещё стащит что-нибудь, а мне потом отвечать перед хозяйкой. И стала следить за его руками, как бы чего не засунул в карман. Этот Дженибек не вызывал у меня доверия, странный какой-то.

– Экая вы. Не волнуйтесь, у вас ничего не пропадет, – с усмешкой сказал колобок, заметив мою тревогу.

– Извините, – смутилась я. – Квартира и вещи хозяйские.

Через двадцать минут они удалились, вручив мне визитку с номером телефона. Вдруг что-то вспомню. Неизвестно почему, но настроение у меня окончательно испортилось. Я верила и не верила в смерть сестры. Действительно, надежда умирает последней. А вдруг Алёна жива? В любом случае пора разыскать Вадима. Замкнула квартиру и спустилась во двор. На лавочке у подъезда сидел пожилой мужчина. При виде меня он поднялся.

– Зима Анастасия Дмитриевна?

– Она самая, а вы простите кто?

– Следователь Егор Петрович, – представился мужчина и показал удостоверение. Он засунул документ во внутренний карман пиджака темно-серого чуть мешковатого костюма. На меня пахло едва уловимым знакомым запахом лимона и кофе. Папа тоже любил этот одеколон. Я сама покупала ему «Кардинал» на день рождения.

– Как, ещё один? Или это были ваши сотрудники, и вы разминулись? – удивилась я.

– К вам кто-то приходил? – оживился мой собеседник. Его глаза заблестели азартом, как у гончей, почуявшей след.

Я молча подала визитку, оставленную мне колобком. Мужчина вызвал у меня доверие знакомым отцовским запахом и располагающим видом.

– Что за чушь! Кроме меня, и моих людей, конечно, никто дело вашей сестры не ведет. – Он переписал в блокнот данные с визитки. – Я приехал в Краснодар по своим делам и решил: почему бы заодно не пообщаться с вами. Адрес дал ваш отец.

– А вы не видели их? – Я показала на визитку.

Он покачал головой.

– Только что подошёл и присел на лавочку отдохнуть, а тут вы. Я вас узнал по фото. – Егор Петрович достал снимок и протянул мне.

На фотокарточке я и Алёна стояли во дворе нашего дома в станице Павловской. Это был тот редкий случай, когда мы разом приехали домой и папа решил запечатлеть дочерей на память.

Следователь предложил мне сесть на лавочку рядом с ним.

– Скажите, Настя, кто мог желать смерти вашей сестре? У неё были враги? – Мужчина повернулся ко мне, его серые глаза под тяжелыми набрякшими веками изучающе уставились на меня.

– Ну какие враги могут быть у веселой, красивой девушки. Бизнесом она не занималась. Пела в ансамбле и этим зарабатывала себе на жизнь. Вела корпоративы, дни рождения и другие праздники, – сказала я с возмущением, вспоминая ангельский вид сестры. Под его пронизательным взглядом я чувствовала себя неудобно, и это беспокоило. – Разве не в Вереево нужно искать того, кто напал на Алёну? Папа говорил: её ударили по голове.

Егор Петрович, по-прежнему, не сводя внимательных глаз с моего лица, достал из кармана пиджака сигареты и закурил. Помахал рукой, прогоняя дым и только тогда ответил:

– Это только предположение. Мне, например, кажется странным такое совпадение: исчезновение вашей сестры и гибель её жениха в один день. – Взгляд пожилого следователя стал цепким.

Я подпрыгнула на лавочке от удивления.

– Что? Я не знала, что Вадим погиб!

Оказывается, некому сообщать об исчезновении Алёны.

– То есть вы не знали, что он разбился на своей машине почти в тот же день, когда пропала ваша сестра? – На его худом лице с глубокими мимическими морщинами промелькнуло выражение недоверия. Усмешка скользнула по узким губам.

«Такое впечатление, что всё меня подозревают в чём-то, – подумала я. – Довольно неприятное чувство».

– Не знала. А так же не имею понятия, нигде он живет, ни номера его телефона. Место работы только приблизительно, – пробормотала я потрясённая этим совпадением. На улице раздался резкий звук сирены «Скорой помощи», заставившей меня вздрогнуть. Я непроизвольно сжала пальцы на шершавой доске скамейки.

– Вадим работал хирургом в онкологическом отделении. Жил на улице Красной в престижном районе, – произнёс следователь, всё так же внимательно наблюдая за моей реакцией. – Вот сумочка Алёны, можете взять. – Егор Петрович протянул мне крохотный розовый клатч сестры.

Я взяла сумочку дрожащими руками и неожиданно для себя заплакала. Этот дамский предмет показался мне вестником несчастья, в которое не хотелось верить.

Следователь встал и похлопал меня по спине тяжелой рукой.

– Держись, девочка.

Егор Петрович постоял рядом со мной с минуту, кашлянул, переминаясь с ноги на ногу. Я догадалась: он столько раз видел горе людей, потерявших родных, что успел привыкнуть и ожесточиться сердцем. Или считал своей главной задачей не утешение родственников жертв, а наказание убийц.

– Настя, я это... пойду. А ты выпей валидол или валерьянки, сходи к друзьям...

Я вернулась в квартиру: поход к Вадиму больше не требовался. Поплакала ещё немного, умылась холодной водой и подошла к окну открыть форточку. Мне показалось, в комнате не хватает воздуха. В сквере на лавочке сидел Горилла и как полный идиот, прикрывался газетой, делая вид, что читает. Закрыть этим листком бумаги его огромную фигуру, всё равно, что спать, укрывшись носовым платком. Я поспешно юркнула за штору, потом сообразила: сквозь тюль меня не видно. Джанибек время от времени посматривал то на мои окна, то на дверь подъезда.

«Что происходит? Неужели он следит за мной? Значит, видел и Егора Петровича. Что за странные дела творятся вокруг меня?», – задавала я себе вопросы и не находила ответа.

В сумочке Алёны я обнаружила ключи от её новой квартиры и решила завтра же побывать там.

В квартире сестры был кавардак: вещи из шифоньера выброшены на пол, мебель отодвинута от стен, на кухне открыты шкафчики, всё перевернуто и разбросано.

«Кто это сделал и почему?» – крутились вопросы в голове. Я набрала номер телефона, который оставил мне Егор Петрович. Колобку и Горилле звонить не стала, почему-то эта парочка не вызвала у меня доверия.

– Егор Петрович, вы в городе?

В трубке послышались чьи-то голоса, и раздался звук закрываемой дверцы машины.

– Собирался вернуться в Апшеронск. Что-то случилось?

– Я в квартире Алёны. Здесь всё перевернуто вверх дном. Явно что-то искали.

– Ничего не трогай. Буду минут через двадцать. – Следователь отключил трубку.

Я недоуменно посмотрела на телефон и пожала плечами. Егор Петрович не соврал, уже через четверть часа он стоял на пороге квартиры и осматривал замок.

– Специалисты снимут пальчики, а я аккуратненько пройду. – Мужчина надел перчатки. – Ничего себе разгромчик! – присвистнул он. – Что же они искали?

– Да кто они? – изумилась я.

– Понятия не имею. Но искали усердно и знали: никто не помешает. А это означает: понимали, что в квартиру вернуться некому, – пояснил следователь. – Ты совсем не знала свою сестру, – уверенно добавил он.

Предательские слезы обожгли глаза.

– Не успела узнать.

От входной двери послышались голоса. Я насторожилась. Егор Петрович успокоил меня:

– Оперативно-следственная группа.

Я села в уголок дивана и стала наблюдать за работой экспертов. Под шумок не заметила, как задремала. Нормально я не спала уже несколько дней: со дня известия о гибели Алёны. Разбудил меня пожилой следователь.

– Настя, мы закончили. Ты тут остаешься или поедешь к себе?

Я помассировала припухшие глаза.

– Поеду в студию. Хочу поговорить с подругами сестры.

Ансамбль «Соловейко», которым руководила Алёна, снимал помещение в городском доме культуры. Там я и нашла коллег сестры. Девушки, видимо, разучивали новую песню, при моем появлении они прекратили играть, и отложили инструменты в сторону. Цокот моих каблучков громко раздавался в гулкой полупустой комнате. Под неодобрительными взглядами девушек я невольно стала ступать на носочки. В комнате кроме музыкальных инструментов: ударной установки, пианино, гитар, саксофона, электробаяна и пары стульев возле окна больше ничего не имелось.

«Ладно, поговорим стоя», – решила я. Раза два я присутствовала на концертах «Соловейко» и немного знала участниц ансамбля. Жгучая брюнетка Оля обладательница прозрачных голубых глаз посмотрела на меня с подозрением.

– Что ты хотела узнать?

– Расскажите, пожалуйста, что произошло в Верево? Как погибла моя сестра? – спросила я у девушек. По телефону они почему-то очень неохотно пообещали встретиться со мной и побеседовать об Алёне.

Оля прислонила гитару к стене и сложила руки на груди.

– Вода в реке Агоя всегда холодная и чистая, как слеза, а вечером и ночью так вообще ледяная. Мы поужинали и уже лежали в кроватях, когда в голову Алёне пришла бредовая идея: искупаться при луне. Мы отказались наотрез, и твоя сестричка отправилась на речку сама.

– Когда вы поняли, что она пропала?

– Мы подождали её немного и легли спать, а утром обнаружили: Алёна не вернулась. Пошли к реке – на берегу нашли её вещи и сумочку, – добавила Вера, крашеная блондинка с карими глазами.

– Что дальше? – Я еле сдерживала раздражение. Равнодушные участницы ансамбля к судьбе сестры поразило меня до глубины души.

– Дальше... Догадались, что стряслась беда. Я осталась у реки, а Вера и Ольга пошли к местному участковому, – продолжила рассказ Женя – полная, рыхлая шатенка – третья участница ансамбля. – К обеду приехала следственная бригада. Водолазы обыскали реку рядом и вблизи места, где предположительно купалась Алёна. Нашли обрывки её купальника, он зацепился под водой за камень. Вот и всё, что мы знаем. – Женя вытерла носовым платком капли пота на лице.

В помещении было душно, две крохотные открытые форточки не очень-то помогали проветриванию комнаты.

– Вы отпустили её одну, ночью, и спокойно легли спать, – возмутилась я.

– А что мы могли сделать! Мне жаль её. Но поверь: твоя сестричка очень самодостаточная особа. Если она что-то вбила себе в голову – не остановить, – усмехнулась Ольга – её не интересовало ничье мнение.

Я удивлённо посмотрела на них: моя сестра никогда не была упертой – это моя прерогатива. Алёна всегда отличалась осторожностью. Девушки если и смутились, то чуть-чуть.

«Им на самом деле плевать на Алёну, им всё равно, – поняла я. – Что же они за люди?»

Я заметила: девушки странно выглядят. Ольга явно светловолосая, но почему-то выкрасила волосы в иссиня-чёрный цвет. Вера – брюнетка от природы зачем-то стала блондинкой. Евгении же совершенно не подходил огненно-рыжий цвет. Он делал её лицо совсем бесцветным.

«Они не только равнодушные, – зло отметила я. – но и вкуса совершенно не имеют, выглядят, как чучела».

Девушки скучающе смотрели по сторонам и откровенно выжидали, когда я уйду.

– Алёна была вашей солисткой, помогала вам зарабатывать деньги, а вы не очень-то расстроены её исчезновением, – выпалила я. Сейчас меня раздражали не только они, но и тяжелая смесь запахов пота, слишком сладкого парфюма и чипсов. У меня разболелась голова и слегка затошнило.

– Это она-то помогала нам зарабатывать? Алёнушка, – издевательским тоном выговорила Вера, – срывала нам уже оплаченные концерты. Без объяснения причин исчезала на несколько дней. Она игнорировала и презирала нас. Последний раз назвала лохушками. Это её идея. – Девушка дернула себя за пережжённые волосы и просюсюкала, подражая голосу Алёны: – Мы должны ярко выглядеть: две блондинки, брюнетка и шатенка – это сразу бросается в глаза. Твоя сестричка если хотела, могла быть очень убедительной.

«Значит, уродский вид девушек – заслуга Алёны», – удивилась я.

– Кстати, поехать в Апшеронский район, собирать фольклор – её идея, – добавила Женья. – Мы не могли понять, зачем это надо, если мы поём современную попсу. Алёна сказала: «Попробуем осенью выступить на фестивале фольклорной песни. Нужно поднимать планку». Мы загорелись этой идеей. – Толстушка с досадой стукнула кулаком по медной тарелке. Инструмент отозвался дребезжащим звуком.

– Ну и как, нашли старинные песни или частушки? – пробурчала я. На душу легла тяжесть, стало больно дышать.

– Ничего мы не нашли. Старики напевали одно и то же. В сборнике народного творчества и то больше песен. – Вера враждебно посмотрела на меня. – Только зря потратили деньги и время.

– Девочки, а почему вы не хотите признавать, что хорошо зарабатывали? Алёна, например, внесла большой взнос за квартиру, – не отставала я от ставших мне неприятными коллег сестры.

– Ты с дуба рухнула? Наш заработок не больше десяти тысяч в месяц. Можно на эти деньги купить квартиру? Думается, твоя сестренка ещё где-то подрабатывала. – Вера насмешливо уставилась мне в лицо.

Ольга и Женья промолчали.

«Вера у них главная», – сообразила я и выпалила:

– Врешь!

– Ничего подобного. Квартиру Алёне купил Вадим. Так, по крайней мере, она сказала. Сдается мне, Алёнушка врала не только нам, но и своей семье, – ответила на мой выпад Вера. Мне стало обидно. Легко хаять того, кто уже не может защититься.

– У сестры была настоящая подруга? – упирая на слово настоящая, поинтересовалась я.

– Нет. Только те, кого она время от времени использовала, – ехидно ответила Вера. – Если у тебя больше нет вопросов, не мешай нам репетировать.

Я поняла: больше ничего они не скажут. Направилась к выходу, не попрощавшись.

После разговора с бывшими коллегами Алёны у меня остался тяжёлый осадок. Я бездумно шла по улице, разглядывая витрины, пока не заметила в стеклянном отражении Гориллу на другой стороне улицы.

«Опять! Он снова следит за мной, – возмутилась я. – Ну погоди!»

Я зашла в кафе «Минутка» на углу улицы Пролетарской. Дженибек расположился на лавочке напротив этого заведения. Кафе имело второй выход на другую сторону улицы. Я пробежала дворами до перекрестка, перешла дорогу и нарисовалась за спиной Гориллы.

– Шеф, по-моему, девчонка начала собственное расследование, – вещал мужчина в трубку. – Мне удалось перекинуться парой слов с вертихвостками из ансамбля. Они подтвердили, Настя расспрашивала о сестре.

Я наклонилась к самому уху Гориллы и воскликнула:

– Какая встреча! Ты следишь за мной?

Дженибек даже не вздрогнул. Он спокойно повернул голову в мою сторону.

– Приглядываю. Тебе рассказали о маньяке?

Я кивнула.

– А вдруг он и на тебя начнет охотиться. – Горилла сдвинул кустистые брови и зловеще улыбнулся, показав крупные желтые зубы.

Меня передернуло от этой милой улыбочки.

– Значит ты моя охрана?

– Что-то вроде этого. Спецагент. Ты иди куда шла, а я буду держаться рядом.

– Дурдом, – пробормотала я, а про себя подумала: – «Такие агенты кого хочешь заикой сделают».

Полицейские добавили беспорядка в разгромленную квартиру Алёны. Пришлось целых два дня наводить в ней порядок. Среди бумаг и квитанций обнаружилась папка с документами на квартиру. Я смотрела на купчую и не верила своим глазам. Квартира под номером двенадцать по улице Березовой двести сорок приобретена за наличные, дата, расписка в получении денег. И никакой ипотеки и первого взноса, который якобы заплатил Вадим.

Зачем она врала мне и родителям? Где взяла деньги? Если их дал Веденин, почему скрывала? На эти вопросы теперь некому отвечать. Я положила документы в шкаф. Уже по привычке подошла к окну и оглядела двор. Горилла или хорошо на этот раз спрятался, или, наконец оставил меня в покое, я его не заметила. Замкнув входную дверь, постояла на лестничной площадке, размышляя, что предпринять дальше.

С утра мне нужно было сходить в институт. В клинику, в которой работал Вадим, я решила отправиться после трех часов пополудни.

В буфете института съела парочку бутербродов с сыром, запила их чашечкой кофе и почувствовала себя готовой к новым подвигам.

Улица встретила меня палящим зноем. Вот за что я не люблю город и, наверно, никогда не смогу полюбить – за запах. Отвратительная смесь выхлопных газов машин, смешивается с запахами множества потных людей, разогретых летним жарким солнцем. На первом курсе от городской суеты у меня часто болела голова, я быстро уставала и находила спасение только в скверах или парках. Среди зелени деревьев и цветущих кустарников я отдыхала телом и душой. После окончания института буду искать работу в сельской местности, в городе я оставаться не собиралась. Мои однокурсники мечтали попасть в лучшие танцевальные коллективы страны, некоторые хотели ставить танцы в театрах музыкальной комедии, самые храбрые рвались на телевидение. Мои намерения руководить студией танцев в селе принимали за причуду.

До клиники, в которой работал Вадим, не менее пяти кварталов, но одна мысль забраться в железное горячее нутро маршрутки, отвращала от поездки напрочь. По пути я купила коробку конфет и баночку кофе.

Автостоянка перед зданием клиники пестрила множеством разноцветных машин. Я обогнула стоянку и вошла не то в сквер, не то в небольшой парк. Среди деревьев расположился корпус Онкологического центра. У пробегающей мимо меня медсестры я поинтересовалась: «Подскажите, где находится хирургическое отделение?»

Она махнула рукой в сторону светлого трехэтажного здания. В регистратуре я узнала, где работал Веденин. Поднявшись на нужный мне этаж, подошла к дежурной медсестре.

– Ольга, – прочитала имя на бейджике, – вы не могли бы дать мне адрес Вадима Веденина.

– Как вы прошли на этаж и зачем вам адрес? – встрепелась игрушечная медсестра.

Я небольшого роста, но эта кроха по сравнению со мной вообще пигалица. На первый взгляд ей не больше восемнадцати лет. А прошла я в отделение легко, никого не встретив по пути.

– Олечка, не сердитесь. Моя сестра была его невестой. Я хотела узнать, когда его будут хоронить и где?

– Завтра, но не в Краснодаре, его тело родители увезли домой в Кушевку. Вадим Николаевич оттуда родом. – Девушка опустила голову и стала перебирать бумаги на столе. На белый лист закапали слёзы.

– Оля, простите... – Я достала подношение. – Угостите меня чашечкой кофе и давайте поговорим. Нам, кажется, есть что обсудить.

Девушка подняла на меня заплаканные глаза.

– Как ваша фамилия?

– Зима.

– Алёна Зима – ваша сестра... – пробормотала медсестра и решительно добавила: – Необыкновенно красивая стерва.

– Была, – горько усмехнулась я. – Она умерла в тот же день, когда погиб Вадим.

– Ой, извините. – Оля закрыла рот руками.

– Так как насчет кофе, – напомнила я.

Медсестра ловко сгребла угощение и кивком пригласила меня в комнату рядом с медпостом.

– Скажите, Оля, каким человеком был Вадим? – я дождалась, пока закипит чайник, девушка нальёт в кружки кипяток и задала первый вопрос.

– О покойных плохо не говорят. – Медсестра опустила голову.

«Что-то здесь не так, – подумала я. – Она скорбит и злится одновременно. Неужели так расстроена гибелью доктора? Да и о моей сестре высказалась с неприязнью, будто ревнивица. Я смотрела на девушку и чувствовала: Оля мучается между выбором промолчать и высказать наболевшее.

– Оля, вы уже никому не навредите, а мне необходимо выяснить правду, – аккуратно нажала я на неё.

Медсестра отхлебнула горячий кофе, поморщилась, расправила складки на белоснежном накрахмаленном халатике.

– Послушайте...

– Настя, – подсказала я и пригубила напиток. От чашки пахло лекарствами, кофе показался мне ужасным на вкус. С трудом сделала ещё один глоток и поставила чашку на стол. В холле клиники я ощутила специфический запах любой больницы. Даже не знаю, как его описать: моющих средств, лекарств, йода и ещё чего-то еле уловимого, но сразу заставляющего думать о боли и беде.

– Послушайте, Настя, в сгоревшей машине Вадим находился один, никакой девушки не было.

– О-о-о, ты решила, что говорю об Алёне? Нет. Она погибла в Апшеронском районе, утонула в реке. – Слова застревали у меня в горле. Неужели я смирилась и окончательно поверила в её смерть. Всё-всё было не так в этой истории. – Оля, что случилось с Вадимом?

– Он не справился с управлением, машина упала с высокого обрыва и загорелась. – Медсестра сглотнула слюну, пытаясь остановить рыдание. – Его опознали по остаткам одежды и часам. Мобильный телефон Вадима валялся неподалеку, видимо вылетел в открытое окно

во время падения. На автомобиле сохранился обгоревший номерной знак, поэтому полиция быстро установила: кому принадлежала машина.

– Ты не сказала, что за человек Веденин?

– Честно ответить?

– Желательно честно. – Я не могла поймать её взгляд. Оля всё время отводила глаза или смотрела в пол.

Две долгие минуты она теребила пуговицы на белоснежном халате. Потом решилась:

– Не знаю, как твоя сестра общалась с ним столько лет. Он был мерзким человеком, я любила и ненавидела его одновременно. Я не знала, что он несвободен. Вадим умеет преподнести себя... Что говорить в свое оправдание? Потеряла голову, не хотела видеть его подлости. Только у него я оказалась не одна. Узнала от твоей сестры. Полгода назад она пришла в клинику и высмеяла меня. Так обидно вдруг понять, что ты всего лишь временное развлечение. Пыталась поговорить с Ведениным.

Он отмахнулся: «У меня всё бабы временные».

Что я тогда пережила... Его смерть застала меня врасплох. Думала: уже перегорело, а нет... Так тяжело. – Оля вздохнула и на гладком лбу прорезалась морщинка. – Он не стоит того... а вот тут болит. Глупое. Глупое сердце... – Девушка дотронулась до груди.

– Вадим гад и изменщик это я поняла, а какой он работник? – пыталась я получить от Ольги вразумительный ответ.

– Хороший хирург, но плохой товарищ. Не брезговал капать начальству на коллег. Креслу заведующего отделением рвался, как сумасшедший. Подставил главврача, но всё делал интеллигентно с улыбочкой, не подкапывался. Когда одну из наших медсестер привлекли за воровство наркотических лекарств, он первый потребовал её уволить и отдать под суд. А я видела: Вадим часто шушукался с ней на лестнице. Я дура ревновала его к ней. Теперь подозреваю, он тоже замешан в краже. В общем, гнида наш Вадим Альбертович. Я себя простить не могу: всё осознавала, но если бы поманил, побежала. – Оля не удержалась и залилась слезами.

– Мне пора, – пробормотала я, испытывая неловкость: чувствовала себя так, будто заглянула в замочную скважину и подсмотрела чужую жизнь.

Девушка не обратила на мои слова никакого внимания. Я поднялась и тихо вышла из комнаты.

Только покинув здание хирургии, вдохнула полной грудью. В больнице мне казалось, что дышу безвкусным стерильным воздухом.

Мог Веденин купить квартиру Алёне? Где взял деньги? Вряд ли в больнице можно украсть много наркотиков... так мелочёвка. Что же получается в итоге: Вадим сгорел, сестра утонула. Могут ли эти смерти, связаны между собой? Скорее всего, нет. Или все-таки да? Я размышляла, стоя на ступеньках клиники. Между деревьев мелькнула громадная обезьяноподобная фигура Джанибека. Охраняет! Невольно поискала глазами лысину Колобка. Нет. Ну, так несерьёзно. Одного охранника для такой персоны как я, маловато

Я вернулась в дом, где жила Алёна. Поднимаясь по лестнице, увидела: из соседней квартиры на лестничную площадку выталкивают огромный древний шкаф. Пришлось сойти вниз и ждать, когда соседи с помощью грузчиков спустят во двор это жуткое произведение столярного искусства.

Эпопея с перемещением шкафа-чудовища затянулась. Я сбегала в магазин и купила булочку с кефиром. С этим нехитрым обедом уселась на лавочку у подъезда.

– Ты, чья будешь? – полюбопытствовала бабуля, сидящая на соседней лавочке.

– Зима, – представилась я любознательной старушке.

– Лето уже, какая тебе зима, – изумилась она.

– Зима – моя фамилия, – пояснила я собеседнице. – В квартире двенадцать живет моя сестра. «Или жила», – подумала я про себя.

– Белобрысая вертихвостка, – сердито буркнула бабуля. – Там раньше Ерёмины проживали. Дед заболел и попал в больницу. У них с Митревной детей не имелось – помочь старикам было некому. Вот и продала Маша квартиру твоей сестре аферистке, чтобы собрать деньги деду на операцию. Только он всё равно помер, а Маше на старости лет пришлось переехать в хутор Прикубанский. Оставшихся денег едва хватило на хату в этом богом забытом месте. Ничего отольются кошке мышкены слёзки, – зло добавила пожилая женщина.

– Уже отлились, – пробурчала я. Кефир показался мне горьким, булка застревала в гортле, – она утонула в реке.

– Ах ты, Господи! Прости меня девонька, ты ж ни при чем. Видишь, как быстро он наказал за грехи...

– Послушайте, – возмутилась я. – Алёна только купила квартиру, не она брала деньги за операцию. – Булку я засунула в пакет. Упаковку с недопитым кефиром отправила в урну.

Бабка уставилась на меня выцветшими голубыми глазами. Подбородок старухи мелко дрожал, морщинистое лицо перекошилось от гнева.

– Не она, а её дружок Вадим! Деда положили в отделение, где он работал. Хирург, – женщина покачала головой, – креста на нем нет. Знал, что старик умирает, но на чужое добро позарился. Оттяпал квартиру стервец.

Я похолодела, на душе сделалось мерзко.

– Извините, – выдавила я из себя и поплелась в подъезд.

Шкаф-чудовище уже громоздился возле входной двери дома, освободив мне путь наверх. Возле квартиры Алёны я упала, зацепившись ногой за сдвинутый с места толстый резиновый коврик. Бедная моя голова приложилась о дверную коробку так, что искры посыпались из глаз.

«Будет синяк», – расстроилась я и потеряла ушибленный лоб.

Нагнувшись, стала поправлять коврик. Не тут-то было! Тяжелый уродливый коврик не хотел укладываться ровно.

«Интересно, зачем Алёна приобрела такую некрасивую вещь? Ей скорее место в гараже. А-а-а, чтобы не позарились воры», – решила я.

Приподняла коврик, проверяя, что же мешает ему лечь на место. Оказалось: под резиной сдвинулась толстая кафельная плитка. С трудом оттащив коврик в сторону, топнула по плитке. Белая пыль взметнулась из-под неё, но плитка не улеглась, как положено. Приподняла кафель и ахнула: в углублении плотно один к одному лежали маленькие пакетики. Точно как показывают в кино про наркоторговцев. Я приподняла ряд пакетиков, кто-то заранее сделал в цементе углубление, получился неплохой тайник. Плитка, тяжелый коврик сверху и никто ни за что не догадается о схроне. Я осмотрела площадку на этаже, везде уложен одинаковый кафель. Соседи, перетаскивая тяжелый шкаф, немного сдвинули и кафель, и коврик. Я взяла один пакетик, зачем-то понюхала его, будто знаю, какой наркотики имеют запах. Потом аккуратно поправила пакетики, вернула плитку на место, сверху водрузила резинового монстра. Оглядываясь вокруг, как воровка, вытерла похолодевшие руки носовым платком. Послышались шаркающие шаги. Я перегнулась через перила: бабушка, говорившая со мной у подъезда, поднималась по лестнице.

– Что стоишь у двери? Ключей нет? – Женщина подозрительно покосилась на меня и, тяжело подволакивая левую ногу, подошла к своей квартире.

– Страшно входить сюда без сестры, – почти искренне ответила я. – Симпатичная у вас лестничная площадка, – продолжила я, показывая рукой на кафель в чёрно-белую клетку.

– Это единственное доброе дело Вадима. Раньше здесь был просто крашенный цементный пол. Дом старый и площадка со временем стала вся в выбоинах и ямках. Зайцевы уехали

в отпуск. – Бабка кивнула на дверь соседей. – Вадим спросил меня: не могу ли я тоже куда-нибудь уехать на время, а он наведет порядок на площадке. Мол, положу новую плитку, а то стыдно перед людьми, да и опасно – можно ноги переломать. Я уехала к сестре в деревню. Когда вернулась, увидела эту красоту. Вряд ли белоручка сам укладывал плитку, но всё равно за это ему спасибо. – Бабуля подслеповато сощурилась, разглядывая ключи на связке, определила нужный и вставила в замочную скважину. – Только плохой он человек и сестра твоя не лучше, – добавила она напоследок и, окинув меня неодобрительным взглядом, вошла в свою квартиру.

Я минут пять тупо смотрела на её дверь, обитую серым потрескавшимся дерматином, потом сглотнула слюну. Под ложечкой неприятно засосало. Вот что искали в квартире! Значит, тайник сделал Вадим, но почему на площадке? А ведь он оказался прав, никто не подумал шарить вне квартиры и плиточку, скорее всего, несостоявшийся шуринок укладывал сам.

Может, когда захочет, – усмехнулась я. – Так что же получается: Сестра не могла не знать, чем занимался её дружок. Откуда она взяла деньги на покупку квартиры? Как они получены? Если от продажи наркотиков и обмана хозяйки квартиры, то это грязные деньги. Стоп. Скорее всего, ни за какую операцию Вадим не платил, сестра отдала бабуле копейки, якобы остаток от платы. Они на пару провернули эту аферу. Кошмар! Не может быть! А если Веденин всё устроил сам? И откуда взялись наркотики?

Я осталась ночевать в квартире сестры потому, что в хозяйкиных апартаментах расположился мой партнер по танцам с очередной подружкой. Я не боялась, рассудив здраво: обыск уже сделали и ничего не нашли. Значит, больше не полезут, пока, во всяком случае.

Ночью мне приснился кошмар: наркоторговцы предлагали свой товар, высыпая круглые камешки, похожие на обтёсанную морем гальку, прямо на меня. Они уверяли: если лизать камешки языком, можно попасть в рай или войти в состояние нирваны. Камней становилось всё больше, стало трудно дышать. Я проснулась в ужасе и с силой сбросила с груди что-то тяжелое и пушистое. Кот, спавший на мне, протестующе замыкал. Жёлтыми огоньками сверкнули в полумраке его глаза. Чертыхнувшись, я выпроводила разбойника за дверь. Огромный жирный котёнок соседской бабули повадился лазать через балкон в квартиру Алёны. Этот полосатый монстр имел наглость укладываться в кровать, а потом переползать на спящего человека. Сестра не раз жаловалась на беспардонного кота, теперь Пушистик заявился и ко мне.

В июле студенты уезжали на практику. Я свою практику договорилась пройти в родной станице. Спасибо тёте Гале, маминой сестре, она напишет всё, что надо. Тетя работала заведующей домом культуры в Павловской. Таким образом, у меня освобождались два месяца. Я могу поехать в Верево и выяснить правду о смерти Алёны. Мне было больно узнать столько плохого о сестре. Я не считала её ангелом и знала, какая она бывает, но такого не предполагала. Но Алёна родной мне человек, а кровь, как известно, не водица. Не собираюсь сидеть, сложа руки, и ждать, что накопят сыщики.

– Давно она в таком состоянии? – спросила я отца.

Мама, как китайский болванчик, молча кивала головой на задаваемые мной вопросы. Её пустые глаза смотрели мимо меня куда-то в угол, на губах играла лёгкая улыбка, от которой у меня по коже пошли мурашки.

Папа пожал плечами. Под его глазами залегли тени, лицо приобрело землистый оттенок.

– Так выглядит она уже пять дней. Не верит в смерть Алёны. Уверяет, что мать всегда чувствует, что с её ребенком. Говорит: она жива.

Отец зевнул и потер руками лоб. Я покосилась на маму и предположила:

– А может и правда Алёна жива?

– И ты туда же. Она что, голая исчезла! Вещи на месте – абсолютно все. Обрывки её купальника нашли водолазы, – рассердился отец. – Не поощряй бредни матери, ей нужно примириться со смертью дочери.

У меня закололо сердце, и я тихо спросила:

– А ты примирился?

Его лицо сморщилось, в глазах заблестели слёзы. Он усилием воли взял себя в руки.

– Нет, но надо жить...

Я поманила отца рукой, показывая, что нам нужно поговорить наедине. Мы вышли во двор и присели на лавочку под виноградной беседкой. Пьяняще пахло цветущей ночной фиалкой. На небе зажглись первые звёзды.

– Папа, покажи мне вещи Алёны и расскажи, как добраться в Вереево?

Отец посмотрел на меня повлажневшими глазами и насторожился. Достал из кармана пачку сигарет. Чуть дрогнувшей рукой вытащил одну сигарету и прикурил.

– Зачем тебе это нужно?

Я проводила взглядом улетающий вверх дымок.

– Хочу поехать в то село и попытаться выяснить, что произошло?

– Настя, не поступай так со мной и мамой. Пусть полиция разбирается. Они считают: это сделал маньяк, погубивший трёх других девушек. Я не хочу потерять ещё и тебя. – Его руки сжали лакированную поверхность доски. На руке обозначились вены. – Поверь, всё, что мог узнать, я узнал. У меня получится отговорить тебя?

Я покачала головой.

– Ты всегда была упёртой, – с досадой сказал отец.

– Пап, обещаю, я буду осторожна. Алёна физически не была сильной, поэтому не смогла оказать сопротивление. А меня не так-то легко вырубить.

– Ты сильная, ловкая, быстрая – это да. Но с мужчиной тебе не справиться, прошу тебя, Настя, не делай глупости.

– Папочка, вот увидишь, всё будет хорошо, – я не собиралась сдаваться.

ГЛАВА 3

Автобус натужно взревел мотором и наконец взобрался на гору. Сверху открылся чудесный вид на долину, поросшую лесом. Под горку старый трудяга пазик катил резво и весело. Всё больше пассажиров выходило на остановках. В салоне автобуса осталось семь человек. Я разглядывала в открытое окно далекие заснеженные вершины гор, подёрнутую дымкой сверкающую ленту реки, высокие холмы, похожие на зеленых ежей и чувствовала: ничего красивее не видела раньше.

– Девонька, а ты свою остановку не пропустила, – обратилась ко мне пожилая женщина в тёмном мешковатом платье, больше похожем на хламиду. Гладко зачёсанные волосы, лицо без косметики и какой-то благостный вид выдавали в ней истово верующего человека.

– Надеюсь, нет. Мне на автовокзале сказали: Вереево конечная. – Я заметила, что лицо тетки скривилось, будто она укусила лимон.

– А к кому едешь? Если не секрет, конечно.

– Ни к кому, просто так. Слышала места у вас больно красивые, турбаза имеется, а неподалеку курорт с йодо-бромными водами. А про себя подумала: «Очень интересно, что она так волнуется?»

– Природа у нас и правда красивая... – женщина замялась, было видно она хочет выяснить у меня ещё что-то.

Я вздохнула. Придется немного удовлетворить любопытство собеседницы.

– Пишу курсовую по истории танца. Мне нужен покой и тишина.

– Не стоит останавливаться в нашем селе, – вмешалась в нашу беседу женщина в симпатичном брючном костюме голубого цвета. Ярко-фиолетовые волосы и алая помада заставляли задерживать на ней взгляд. – Хотя на турбазе безопасно, там ребята охраняют своих клиенток.

– Почему нельзя погостить в вашем селе? – удивилась я, строя из себя недалекую дурочку.

– Сейчас начало июля, а в это время в Вереево небезопасно для такой молодой девушки, как ты, – поддержала товарок третья женщина в цветастом сарафане, из-за излишней полноты она смахивала на нарядную клумбу. Когда автобус потряхивало на выбоинах, пышные тела пассажирки колыхались, и тогда аляповатые цветы на ткани двигались, как живые.

«Это они о маньяке», – поняла я, а вслух произнесла:

– Вы не могли бы сказать почему?

– Уже третий год пятнадцатого июля маньяк-колдун приносит в жертву одну девственницу, – объяснила мне «хламида», её глаза подозрительно заблестели.

– Я слышала, что в этом году уже пропала одна девушка. Значит, до следующего года мне ничего не грозит, – проявила я свою осведомленность в местных событиях.

– Ошибаешься, пропавшую ещё не нашли, и она могла просто утонуть в реке. До ведьминога шабаша десять дней и тебе действительно опасно находиться в это время в Вереево, – внесла свою лепту в общую беседу дама в сарафане.

Автобус подбросило на кочке, и мне показалось, что крупные ромашки на наряде толстухи качнули головками.

– У вас в селе совсем нет девушек? Почему именно мне нужно опасаться маньяка? – возмутилась я.

Пазик спускался по серпантину горной дороги, время от времени его подкидывало на ухабах и рытвинах так, что звенели оконные стекла.

– Потому что колдуны и ведьмы своих не трогают, только приезжих, – ехидным голосом сообщила «хламида». Её лицо просветлело, оживилось, в глазах загорелся неподдельный интерес.

«Боже! Да она счастлива, что присутствует при появлении будущей жертвы маньяка и будет очень разочарована, если я останусь в живых».

Прежде миловидное лицо женщины показалось мне неприятным и злым.

С первого сиденья к нам повернулся лысый мужчина в камуфляжной форме.

– Бабы, прекратите её пугать! А ты не верь про колдунов – это выдумки старух. Да, какой-то псих убивает девушек, милиция его ловит и поймают. Не ходи одна в безлюдных местах и будешь в безопасности.

– Не буду, – пообещала я. – К тому же нет причины меня убивать, я уже не девственница.

«Камуфляж» смущенно крикнул. Бабка с кошелкой, сидящая напротив меня, возмущённо захлопала:

– Тьфу! Нашла чем хвастаться.

Я, конечно, соврала, чтобы обезопасить себя. Вдруг до маньяка дойдет слух о моей порочности. Пусть он исключит меня из кандидатур на роль жертвы. Как-то так получилось, что никто из знакомых парней и мужчин не покусился на мое целомудрие. Ну не везло мне, в школе почему-то нравились именно те мальчишки, которых я совершенно не интересовала, а липли те, кто и даром был не нужен. Ключевое слово нравились, не могу похвастаться, что была хоть в кого-то влюблена до беспамятства. Да я с детского сада всегда была к кому-то не равнодушна. Лёгкая влюбленность жила во мне неизменно, как инфекция, но из-за взрывного темперамента объекты обожания постоянно менялись. Многие мальчишки в школе даже не подозревали, что на короткое время становились героями моих грез. Кажется, мне нравится само состояние возвышенной влюблённости. Переходить к физическим контактам пока совсем не хочется, или просто я ещё ни разу по-настоящему не влюблялась. В институте меня, тем

более, никто не заинтересовал: певуны и плясуны не мой тип мужчин. Честно говоря, даже не знаю: кто бы мог мне приглянуться. Я не привереда. Немного вредная, признаю, бываю взбалмошной и не серьёзной, это да, но не заносчивая. Чего нет, того нет.

– Вот она нынешняя молодежь, ни стыда, ни совести, – пробурчала пухленькая, круглолицая бабулька напротив, отрывая меня от мыслей о не востребованности у мужчин.

– Скажите, а где можно снять комнату в селе? – обратилась я к пышной даме в сарафане. Она больше других вызывала у меня доверие добродушным улыбчивым видом.

– В гостинице сейчас наверно мест нет, но у нас многие сдают комнаты приезжим. Через Вереево пролегают несколько туристических маршрутов: к озерам, в горы, к водопадам и дольменам, – ответила она, улыбаясь и сверкая парой золотых зубов.

– Ой, я читала о ваших дольменах. Три громадных сооружения в лесу, – вспомнила я.

– Точно. Рядом с селом три. А так намного больше. – И, помедлив, добавила: – И все-таки будь осторожна.

Автобус снова подбросило на ухабе, я чуть не прикусила язык. Бабуля порылась в кошелке, достала румяный поджаристый пирожок и впилась в него на удивление крепкими зубами. В салоне автобуса умопомрачительно запахло сдобой и ванилью. Я проследила взглядом за кулинарным изделием, чуть ли не заглядывая бабке в рот, и шумно сглотнула слюну. Совершенно не подумала взять с собой пару бутербродов, решив, что смогу перекусить в кафе автостанции или во время стоянки автобуса. Мне не повезло, водитель выбился из графика и сократил время стоянки. С раннего утра у меня во рту не было и маковой росинки, а время уже приближалось к одиннадцати. Почти обед! Бабуля поправила платок на голове и снова запустила руку в кошелку. Я заинтересованно замерла в ожидании.

– То не дольмены, а каменные могилы, – заявила вдруг бабка, копаясь в кошелке. – Святые места для живых не предназначенные. – Она выудила кружок домашней колбасы и смачно откусила приличный кусок.

Живот у меня предательски заурчал.

– Бред и суеверие, – возмутился «камуфляж».

– Сам ты бред, – огрызнулась бабка. – Я доподлинно знаю, у нас в Вереево живут две молодые ведьмы и колдун, а у самого леса старая ведьмачиха. В соседнем же хуторе древний колдун поселился. – Старушка бодро схрумкала колбасу и достала ещё один пирожок, вызвав у меня произвольный стон.

– Это ты про Фому говоришь, – догадался мужчина, – так он же травник – не мели чепуху, обзывая так лекаря. А кого ты в нашем селе нарекла колдуном?

Женщины тихо переговаривались между собой.

– Аглая и Варька настоящие ведьмы, а Леший их любовник, – ответила бабка, вытерла жирные пальцы носовым платком и снова стала шарить внутри кошелки. Её гладкие, полные совсем не старушечьи щеки подрагивали в такт движения автобуса.

«Неужели она не наелась», – промелькнуло у меня в голове.

Старушка выудила из недр лукошка детскую бутылочку с молоком и в три глотка выпила её. Меня разобрал смех. Бабка покосилась в мою сторону и пояснила:

– Козье молоко.

– Ну, Ленька-Леший может и околдовал кое-кого в деревне, допускаю, что и Варька-краса дорогу девкам перебежала. А что тихоня Аглая сделала? Почему ты её в колдуньи записала, – заинтересовался «камуфляж».

К моему большому облегчению старушка закончила трапезу и перестала изощрённо мучить меня.

– Люди видели: Варька с Агнешкой бегали по лесу и оборачивались в кошек.

– Бред, ну полный бред! Девки дурака валяли, а вы их сразу в ведьмы записали. Я ещё пойму, почему Феодору кличут колдуньей, она на сей персонаж и смахивает, но девчат так обозвать, – звонко засмеялся «камуфляж».

Спавший на заднем сиденье автобуса молодой подвыпивший мужчина проснулся и внёс свою лепту в разговор.

– Бабка Феодора точно колдовка. Я на спор мимо её хаты с дулей в кармане прошёл, так она сразу заявила мне: «Бездельник, будешь дули крутить – век не женишься». Всё сбылось, – гнусаво со всхлипом протянул он. – Прокляла ведьмачиха. Мне уже тридцатник, а я невесту так и не нашел.

– Не проклятие не дает тебе жениться, а водка. Какая девушка захочет в мужья выпивоху, – усмехнулась дама в сарафане и поправила пышную причёску.

– Паха, подтверди. – Мужчина толкнул, спящего на соседнем сиденье друга. – Ты свидетель, всё видел, подтверди, что бабка Феодора – ведьма.

Павел заворочался, почмокал губами и громко захрапел. Бабулька с кошелкой ядовито произнесла:

– Алкаши проклятые.

– Не-а, бабка, я может, и люблю выпить, а Паха нет. Его сморило с одной бутылки пива. А Феодора – всё одно ведьма.

Автобус трясся на ухабах со скоростью двадцать километров в час. Густой лес подступил вплотную к щебёночной дороге. Пассажиры стали горячо ругать местную власть. Я поняла, что к интересующей меня теме больше никто не вернется, и стала рассматривать в окно проплывающие мимо деревья и кустарники. В сплошной зелёной стене мелькнула прогалина, и на ней возник неясный силуэт мужчины, вызвавший у меня внезапный озноб.

«Напугала-таки старуха», – рассердилась я за свой глупый испуг.

В гостинице действительно мест не оказалось. Но симпатичная дежурная, не старше меня, подсказала адресок.

– Бабушка Поля сдает комнату девушкам туристкам. Очень милая и невредная старушка. Выйдешь из гостиницы, повернешь направо. Через три перекрестка, свернешь налево на улицу Озерную, тебе нужен дом номер восемнадцать.

Я поблагодарила девушку и отправилась на поиски временного места жительства. Через два квартала урчащий живот напомнил о себе. В ближайшем магазинчике я купила немного «Докторской» колбасы, нарезной батон и бутылочку питьевого йогурта. Решив, что квартира от меня не убежит, уселась на симпатичную лавочку, полускрытую от дороги зарослями дикого винограда. Колбасу я умяла за пять минут. Насытившись, к йогурту приступила не так плотно. Успела сделать пару глотков, когда услышала на дороге странное цоканье. С бутылочкой в руке я вылезла из своего укрытия и чуть не попала под копыта огромного коня. Громкий крик ужаса мое горло издало машинально. Животное шарахнулось в сторону, женщина, сидящая в седле, завизжала на несколько тонов выше меня, так что заложило уши. Мне даже стало завидно. Рука, держащая йогурт дрогнула, содержимое бутылочки живописными розовыми каплями украсило мне белую футболку.

– Какого чёрта вы выскакиваете на дорогу! – заорал на меня мужчина, сидящий на чёрной лошади. Повернувшись к визгливой женщине, сразу сменил тон и заботливо поинтересовался: – Эля, с вами всё в порядке? Придерживайтесь дороги, не захватывайте тротуар.

Вот гад! Значит, женщина ехала по тротуару, а он винит меня. Я окинула сердитым взглядом незнакомца – мужчина лет тридцати, симпатичный, загорелый до черноты, спортивного

телосложения, спокойно глянул на меня и усмехнулся. Позабавил мой вид? Из-за этой Эли я теперь выгляжу замарашкой.

«Бог мой, какие у этого всадника красивые зеленые глаза. Прямо колдовские», – восхитилась я.

Такие бредовые мысли явно возникли под влиянием рассказов попутчиков. Иначе с чего бы мне так восторгаться первым встречным. Группа всадников продолжила движение. Лошади шагом, размеренно повезли людей по улице. Я смотрела на ухоженных, красивых животных. Таких лошадей с роскошными блестящими гривами, пышными хвостами, гладкой лоснящейся кожей я видела только один раз: в цирке. Шесть молодых женщин неуклюже подпрыгивали в седлах, двое мужчин тоже неуверенно цеплялись за поводья и только тот, кто наорал на меня, составлял одно целое со своим вороным конем.

«Он проводник, – подумала я, – обязательно выберу время и покатаюсь на лошадях».

Когда мне было лет десять, я с друзьями пошла на конюшню. Конюх разрешил нам проехать на старенькой понурой лошадке. Потом мы помогали ему: разносили сено по яслям, насыпали овёс в кормушки и угощали животных морковкой и сахаром. Я до сих пор помню бархатные губы лошади, которыми она осторожно брала сахар с моей ладони, и влажные печальные глаза, смотревшие прямо в душу. После той поездки я стала часто навещать конюшню. Кто-то любит кошек, кто-то собак, а я мечтала о собственной лошадке и упрашивала отца приобрести её. Мы жили в собственном доме, держали небольшое хозяйство: кур, уток, гусей. Но покупать лошадь родители отказались наотрез. Четыре года в свободное от танцев время я садилась на велосипед и отправлялась на конюшню. В один далеко не прекрасный день обнаружила пустые ясли и пьяного конюха, сидящего на охапке сена с бутылкой в руке.

– Дядя Ваня, где лошади?

– Нету больше лошадок, Настена, всех увезли. Совхозу давно кирдык и так нас держали из жалости, а сегодня всё: забрали. А мне посоветовали: сиди дома и получай пенсию. – Он отхлебнул водку прямо из горлышка и даже не поморщился.

Я посмотрела на его загорелое морщинистое лицо, на белый пушок волос, из-за которых голова дяди Вани походила на одуванчик, и к горлу подкатил ком.

– Куда их забрали?

– Не волнуйся, девочка, на другую конюшню. Это очень далеко. – Пресек он мои расспросы. – Там им даже веселее будет. – Дядя Ваня смахнул слезу, заплывшую в глубокой морщине. – Ты иди домой, я хочу попрощаться с конюшней, почитай пятьдесят лет тут провел.

Только через год я узнала, что лошадей сдали на мясокомбинат. Даже сейчас, спустя шесть лет, у меня запершило в горле, а тогда я рыдала, как сумасшедшая. Мне мерещились грустные глаза кобылы по кличке «Малинка», которую я любила кормить с руки. Сглотнув ком в горле, оглядела себя. Розовые пятна на футболке подсыхали. Придется показаться бабе Поле в таком непрезентабельном виде. В три глотка я допила йогурт. Удачно закинула пустую бутылку в урну и, подхватив сумку, отправилась на поиски улицы Озерной.

Вереево показалось мне небольшим, но очень уютным селом. Дома утопали в зелени садов. Во время крутого спуска на автобусе я разглядела четыре длинных улицы, расположенных с востока на запад. Они пересекались десятком небольших улиц с короткими переулками. Центральная дорога, для сельской местности, в прекрасном состоянии: без выбоин и ям. Имелись даже тротуары из крупных бетонных плит. Весёленькие красочные урны украшали улицу. Дом номер восемнадцать порадовал яркой расцветкой: жёлтые стены, голубые ставни, бирюзовая беседка под виноград. Я покричала у калитки. На мой зов появилась бабуля: кругленькая, улыбчивая, в белом платочке и переднике с кружевами. Таких симпатичных старушек обычно снимают в рекламе сметаны и творога. На мгновение даже померещилось, что она сейчас предложит мне молока.

– Мне сказали, вы сдаёте отдыхающим комнаты. – Я прижала дамскую сумочку к груди, скрывая пятна от йогурта.

– Да сдаю. А тебе надолго? – поинтересовалась бабушка, внимательно разглядывая меня, по-детски яркими синими глазами.

– Может на месяц, может на два. Я неловко переступила с ноги на ногу. – «Как рентгеном просвечивает», – промелькнуло в голове.

Пожилая женщина ещё раз оглядела меня с головы до ног и приняла решение.

– Пойдём, покажу комнату. Если понравится, останешься. – Баба Поля толкнула голубую дверь и приглашающе махнула рукой.

В доме приятно пахло выпечкой, глаз радовался чистоте и уюту, но не той маниакальной стерильной чистотой, знакомой мне с детства, а житейской, простой. Мы прошли по коридору, по обе стороны которого располагались двери. Баба Поля провела меня в самый конец коридора и распахнула дверь.

– Ничего себе! Как красиво! – вырвалось у меня.

Золотисто-зелёный цвет комнаты пришелся мне по душе. На кровати ярко-жёлтое с золотым покрывало, три маленьких подушки цвета молодой травы и одна такого цвета, но большего размера. Окна украшали светло-салатовые шторы, на полу лежал темно-зелёный палас. Просторное помещение не загромождала мебель. Кроме кровати в комнате имелся небольшой шкаф светлого дерева, крохотное трюмо с пуфиком и кресло в жёлто-зеленую полоску. Возле зеркала стояла ваза с некрупными подсолнухами. Баба Поля, польщенная моим искренним восхищением, улыбнулась.

– Ну, коли понравилось, располагайся. Через пол часика приходи ко мне на кухню и тогда всё обсудим.

Располагаться долго не пришлось. Я выложила косметику из сумочки на трюмо. Повесила ветровку и пару платьев на плечики, остальные вещи выложила на полку в шкаф. Чёрный трикотажный костюм и такого же цвета шапочку «Балаклаву» оставила в сумке. Я намеривалась ночью погулять по селу незамеченной. Как буду искать маньяка и за кем следить – не имела понятия. Разберусь по обстоятельствам. Я поменяла выпачканную футболку на чистую. После разговора с бабулей отправлюсь на реку, искупаюсь и заодно побываю возле камней, где нашли вещи Алёны. Думаю, кто-нибудь да покажет мне это место.

Кухню я нашла быстро: по запаху. Аромат жареного лука и мяса буквально повёл меня за собой. Хозяйка, стоящая у плиты, обернулась.

– Садись. Меня зовут Полина Андреевна. Можешь звать просто – баба Поля.

– Настя, – представилась я.

– Бери пирожки. Эти с мясом, эти с укропом и яйцом. – Бабушка Поля налила в кружку кипятка. – Чай или кофе? Руки вымой там. – Она показала на раковину у окна.

– Лучше чай.

«Ура! Сегодня и мне перепадут пирожочки», – обрадовалась я.

Внутренний голос посоветовал: «Не садись на пенек, не ешь пирожок».

«Заткнись», – ответила я вражине.

Вымыла руки и уселась за круглый стол, накрытый тонкой белой клеенкой, похожей на кружевную скатерть. Пирожки таяли во рту, ароматный чай показался напитком богов. Пока я ела, бабуля не хуже следователя допросила меня: как зовут, кто такая, зачем приехала? Я озвучила ту же версию, что и в автобусе: написание курсовой и отдых от шумного города.

Нужно сколько возможно скрывать, что я сестра Алёны.

Хозяйка дома, слушая мои совершенно искренние хвалебные речи по поводу её кулинарных возможностей, цвела улыбкой. Мои дифирамбы возымели немедленное действие. Баба Поля приняла окончательное решение и назвала смехотворную цену за месяц проживания в её

доме. Она мельком посмотрела мой паспорт и взяла деньги, которые я шустро вручила, пока она не передумала.

– Полина Андреевна, я хочу прогуляться по селу, сходить на речку.

– Вот это правильно. Погуляй, поплавай. Воздух у нас чистый, прямо кушать можно.

При этих словах я икнула, желудок протестовал, не желая дополнительного питания. В комнату я вернулась полусонная и отяжелевшая от большого количества съеденных пирожков, ругая себя почему зря. Кряхтя, стала собираться на разведку. В пакет положила маленькое полотенце, купальник, фотоаппарат и блокнот с ручкой.

Выйдя за калитку, с минуту подумала и направилась в центр села.

Местные жители видимо обожают голубой и зелёный цвет, потому что заборы, ворота, фронтоны домов и ставни – всё выкрашено в разные оттенки голубого, зелёного и синего цветов. Только магазины выбивались из общей картины оттенками бежевого либо серого пластика. На рынке под навесом за деревянными столами сидело штук пять старушек. Я купила кулек семечек, спросила, как пройти к реке. Вместе с нужными мне сведениями получила кучу советов: одной никуда не ходить, лучше собираться толпой, хоть купаться, хоть в лес за грибами. Я поблагодарила бабушек, но так как собраться толпой не могла, пошлепала к водной артерии села в одиночку.

Я прошла по указанному маршруту метров восемьсот не больше, сразу за огородами лес стоял стеной. А речка, к моему удивлению, оказалась немаленькой, и, по-видимому, была глубокой потому, что посередине её лихо промчался катер с несколькими пассажирами на борту. Вниз к пляжу с высокого берега вело несколько спусков разной степени удобства: с деревянными и просто земляными ступеньками, с перилами и без. Оглядевшись вокруг, поняла: если спуститься к реке, то со стороны села никто ничего не увидит, да и вряд ли услышит.

Я выбрала менее крутые земляные ступени. Купаться не решилась, потрогав босой ногой ледяную воду, обнаружила, что она ледяная. Как-то необходимо выяснить, где нашли вещи Алёны? К моему неудовольствию, задать вопрос было некому. Сегодня вечером у отдыхающих и местных жителей пляж спросом не пользовался. Я поднялась наверх, прошла вдоль реки метров пятьсот и впереди на возвышенности увидела кладбище. Заинтересовавшись, решила подойти ближе. Первые могилы начинались метрах в десяти от обрыва. Это, вероятно, самое высокое место на берегу. Отсюда открывался замечательный вид на реку и часть села, остальное скрывали деревья. Мама всегда упрекает меня в излишней ироничности и несерьёзности. Это правда, я терпеть не могу патетики, стесняюсь высокопарных речей. Как говорит папа: я не верю ни в бога, ни в чёрта, но тут он не прав, бога на всякий случай опасаюсь, мало ли что. А вот во всяких экстрасенсов, ведьм, колдунов и прочих представителей оккультных наук нет. Разговоры сельчан в автобусе о местных «тёмных» силах меня только насмешили. Ну не встретила я за двадцать один год ни одной даже завалящей ведьмы или приличной гадалки. Всё время попадались обманщики, ищущие выгоду, или экзальтированные особы, верящие в свою избранность и в первую очередь, обманывающие себя. Как легко провести доверчивого человека, знаю не понаслышке. Как-то к нам в станицу приехал экстрасенс. Объявления были развешаны на каждом фонарном столбе. Ради интереса я с подружками пошла на разрекламированный сеанс «белой» магии. Мужчина, отдаленно похожий на Дэвида Копперфильда, симпатичный, стройный, долго и нудно говорил о своем третьем глазе, открывшемся у него благодаря дару и высшим силам. Он заявлял, что видит людей насквозь, что у него в покровителях архангел – в общем, нёс всякую чушь. Потом пройдя по залу, выбрал несколько человек и принялся вводить их в транс. Я с удивлением наблюдала, как знакомые мне тетки машут руками, закатывают глаза, выполняют его команды. Экстрасенс под конец представления замахнулся на ввод в гипноз всех сидящих в зале зрителей. До сих пор помню свое недоумение: по его команде люди закрыли глаза, их головы маятниками закачались под размеренный голос новоявленного гуру. Я крутила башкой во все стороны, боясь засмеяться в голос, и выискивала

зрителей, не поддавшихся общему безумию. Мои глаза встретили насмешливый взгляд молодого парня, он задорно подмигнул мне и показал большой палец. После представления образовалась очередь, многие стали записываться на индивидуальный платный сеанс с кудесником. Моя подружка тоже записалась, но в назначенное время пойти не смогла. Кира уговорила меня отправиться к магу, а потом ей всё рассказать.

Экстрасенс снимал комнату в клубе, которую как мог оборудовал под салон магии. Я сидела в очереди, чувствуя себя полной идиоткой, но женщины выходили от приезжего гуру с круглыми глазами и тут же принимались делиться впечатлениями с подругами и соседками. Обстановка становилась всё напряжённее: возбуждённые счастливицы, прикоснувшиеся к чуду, взвинчивали других. Я уж начала подумывать: а вдруг не права и сверхъестественные способности у этого «Копперфильда» имеются. Подошла моя очередь. Я осторожно отворила двери и вошла в импровизированный салон магии.

Темно-бордовые бархатные шторы на окнах были плотно задёрнуты, возле стены, напротив входной двери, стоял стол, накрытый длинной почти до пола чёрной шелковой скатертью. Справа и слева от стола на каких-то треногах горели зелёные свечи, распространяя удушливый запах корицы и ванили. Сам экстрасенс, одетый в тёмную хламиду, держал руки на большом светящемся стеклянном шаре.

– Садись, – он кивком показал на низкий стул напротив себя. – Поведай мне свои печали, – произнес он ласковым размеренным голосом.

– Мне казалось, это вы должны поведать мне что-нибудь, – пробормотала я и уселась на неудобный стул с прямой спинкой.

– Я найду решение любой вашей проблемы, если вы озвучите её, – с мягкой укоризной в голосе заметил гуру.

Вздохнув, я протянула ему свою детскую фотографию. На ней мне год и два месяца. Я ещё лысая, нормальные волосы у меня почему-то отросли только к двум годам.

– Посмотрите это фото моего друга. Он переехал с родителями на другой конец страны. Хотела бы узнать: как у него дела? – соврала я, глядя в глаза экстрасенсу наивными честными глазами. Этот взгляд я отработала давно, услышав слова бабушки: «Лгуны всегда прячут глаза».

Мужчина закрыл глаза, провёл рукой по фото. На его бледном худом лице играли тени от огоньков свеч, и оно показалось мне одухотворённым. В душе у меня забрезжила надежда: сейчас он разоблачит мой обман.

– С вашим другом всё в порядке. Он сейчас едет в автобусе, на нем джинсы и белая футболка с надписью «Калифорния», – с трудом выталкивая слова, хрипло сказал гуру, всем видом показывая, как нелегко дались ему эти знания.

Ну вот, снова прихлопнули мою веру, не дав ей даже окрепнуть. Обычный мошенник, каких нынче развелось, как блох на собаке. Я рассердилась и ехидно ошарашила «провидца»:

– Никуда он не едет, а сидит перед вами. – Я забрала фото и встала со стула.

– Я сразу догадался, что вы меня обманываете, и специально проверял вас, – попытался выкрутиться мужчина.

– Серьёзно? Тогда угадайте, в каком классе я учусь?

– В последнем, – не моргнув глазом ответил экстрасенс.

– Прощайте. – Я подарила ему крокодилью улыбку и пошла на выход из душной комнаты. Но этот нахал все-таки удивил меня, крикнув вдогонку.

– А заплатить за сеанс?

От возмущения я только и смогла вымолвить:

– За что?!

Вот таким получилось мое первое знакомство с экстрасенсами. Признаюсь, очень люблю читать готические романы, смотреть мистические фильмы, но в своей жизни ни разу не столк-

нулась ни с чем сверхъестественным. Правда мама говорит, что из-за моей вредности и желания подкалывать людей, всё странное и необычное убегает от меня куда подальше.

Вторая неудачная встреча с мистикой случилась на улице. Старая цыганка пристала ко мне с предложением погадать. Я отказалась. И тогда возмущённая женщина стала угрожать всеми бедами и несчастьями, которые посыпятся на мою голову, если я не воспользуюсь её услугами. Зря она это сделала. Очень не люблю, когда мне угрожают. Я повернулась к старухе, не мигая уставилась ей в глаза и зловеще прошипела:

– Ты не знаешь, с кем связалась. Я могу наслать такие болезни, что никто тебе не сможет помочь.

К моему великому удивлению цыганка перекрестилась и пустилась наутёк. Она оказалась шарлатанкой, иначе бы увидела: я не способна и муху обидеть.

Я добрела до кладбища. Высокие, покрытые ржавчиной и облупившейся краской железные ворота были гостеприимно распахнуты. Постояв немного на входе, я направилась к ближайшим могилам. Среди могильных крестов порхали бабочки, умиротворённо жужжали пчелы, на деревьях пели птицы. Я походила меж памятников и крестов, читая надписи на табличках, и остановилась у холмика, засыпанного выцветшими искусственными цветами. С фотографии на меня смотрела симпатичная девушка. Пушистые волосы, уложенные короной вокруг головы, придавали её лицу загадочность. Под фото стояла дата смерти «пятнадцатое июля». У меня мороз пробежал по коже. А вдруг это не совпадение и я нашла могилу девушки, погибшей от рук маньяка? Решив узнать, а не похоронены ли на этом погосте и другие жертвы, стала целенаправленно обследовать могилы, глядя на нужную дату. Вскоре обнаружила ещё одну могилу – на табличке была выбита та же дата смерти. На меня с чуть выгоревшего снимка смотрела милая девушка со старомодной причёской. Гладко зачёсанные волосы, толстая коса переброшена на грудь. Три девушки погибли в один и тот же день с разницей в год. Могилы двух несчастных я обнаружила, а третью жертву маньяка родственники видимо увезли домой и похоронили там. Значит, правда, в таком красивом селе орудует маньяк. Тогда до следующего убийства несколько дней, и пока я в безопасности. Что же получается: моя сестра просто утонула? Или он выкрал её и выжидает время? От этих мыслей на душу легла тяжесть. Я поспешила уйти с кладбища.

После одного неприятного происшествия я стала вместо платьев предпочитать брюки или джинсы. Как-то вечером во дворе дома, где я снимала квартиру, на меня напал пьяный парень. До сих пор помню то неприятное чувство беспомощности и злости. Он заломил мне руки за спину и разорвал тонкое платье в клочья одним рывком. Я отбилась от насильника, применив всё, что могла: зубы, ногти, каблуки. С того вечера на поясе в удобном чехле, похожем на сумочку для мобильного, я ношу электрошокер. Иногда прикрепляю его под брюки на щиколотку. Электрошокер мне подарил Димка на день рождения. После случая с нападением он несколько раз провожал меня до подъезда, пока мне это не надоело. Напарник придумал, как меня обезопасить. Он заявился на скромную вечеринку, в честь моего появления на свет, с коробкой в руках.

– Вот, Настя, носи его всегда с собой. Наконец-то я больше не буду переживать за твою шкуру, – сказал он, вручая подарок.

Я открыла коробку, осторожно вынула что-то похожее на фонарик или большую батарейку. Дмитрий заулыбался и пояснил:

– Восемь тысяч вольт, трещит, как бешеный. Высшая группа эффективности. Первый класс. При мощном разряде в течение трех-пяти секунд вырубает человека на полчаса.

– Ага. А если я нечаянно этой штукой убью человека. Ты мне будешь носить в тюрьму передачи? Забери. Не надо мне такую защиту, – возмутилась я и всучила ему коробку обратно.

– Спокойно. «Катран» официально разрешен для самообороны. Надеюсь, ты не садистка? – ехидно осведомился Димка

Я посмотрела в нахальные глаза напарника и хмыкнула:

– А при чем здесь мои личные наклонности.

– А при том, если человек упал от первого удара электрошокером и находится без сознания. Ты же не станешь его ещё раз бить током, чтобы добить?

– Я похожа на больную?

Дмитрий ухмыльнулся:

– Самую малость. На. – Он вручил мне подарок назад. – Бери и не выпендривайся. Пригодится.

Так я оказалась обладательницей «Катранчика», такое имя теперь носил мой электрический спаситель.

Отправляясь на прогулку по Вереево, электрошокер я, конечно, прихватила с собой, в общем, экипировалась, как сумела.

Выйдя из ворот кладбища, я углубилась в лес, стараясь держаться одного направления. И так увлеклась наблюдением за странно ведущей себя стрелкой часов-компаса на руке, что чуть не врезалась в каменную стену носом. Стрелка вела себя странно: она дергалась то влево, то вправо.

На живописной поляне, заросшей крупной лесной ромашкой, синеголовником и высокими кустами чёрной бузины стояли два огромных сооружения. Я обошла постройки и обнаружила небольшие отверстия входы.

Это же дольмены! О них я слышала в телепередаче, читала пару статей в журнале. Несколько тропок от дольменов веером расходились по поляне. В дальнем углу этого замечательного лесного уголка я нашла сложенный из камней очаг, вокруг которого лежали отполированные до блеска седалищами туристов брёвна. Походив вокруг, решила залезть внутрь дольмена, все-таки о них ходила слава, как о загадочных и мистических сооружениях. Почему бы не проверить самой? В отверстие залезла, согнувшись в три погибели, внутри оказалось просторно, пусто и кроме сухой земли больше ничего не было. Я уселась в центре каменного дома, закрыла глаза. Минут пять прислушивалась к себе, но никаких изменений ни в настроении, ни в самочувствии не ощутила. Снаружи на поляне послышались голоса нескольких женщин и мужчин. Я замешкалась и вовремя не вылезла наружу. Они стали фотографироваться на фоне дольменов, громко разговаривать – на поляне стало шумно. К каменной постройке, в которой я сидела, подошли девушки и мужчина.

– Ах, Ангел, скажите, мы доберемся до лагеря к ночи, – послышался воркующий девичий голос.

– Надеюсь, в палатке нас будут охранять. Я, например, не отказалась бы от вашей охраны. Говорят, тут маньяк завелся, – не менее игриво произнесла вторая незнакомка.

«Они тут надолго, – сообразила я. – Придётся вылезать. Интересно, как выглядит мужчина, которого называют ангелом».

Представила себе белокурого жеманного херувима с глазами-блюдцами. Кряхтя, полезла к выходу, щурясь от заходящего солнца. Послышался дикий визг: у меня даже уши заложило. Я отряхнула джинсы от налипшей земли и подняла голову. Метрах в пяти от дольмена рослый парень закрывал своим телом перепуганных девиц.

– Что за чёрт, – выругался незнакомец, произнося букву р слегка рычаще.

– Сожалею, но я не рогатый, – усмехнулась я, рассматривая живописную троицу. – Что-то вы на ангела не больно похожи, скорее на дьявола, – вырвалось у меня, когда я разглядела мужчину.

Это был давешний знакомый конник с зелёными глазами, действительно, способными свести с ума некоторых слишком романтических особ.

– Это вы? Что вы там делали? – расслабившись и отстраняясь от девушек, спросил «дьявол», никак не комментируя мои слова.

– Осматривала дольмен изнутри, разве неясно, – удивилась я, досадуя за свой неряшливый вид. Не везет мне. По шее прополз муравей или паук. Я отряхнула голову и шею. К пальцам прилипла паутина. Понятно: собрала в дольмене.

Девушки вышли из-за спины своего защитника и скептически осмотрели меня, а я их. Обе оказались высокими и очень симпатичными девушками с роскошными длинными волосами. Блондинка небрежно откинула волосы за спину и презрительно посмотрела на меня. Я понимала, о чём она думает. До их модельного роста мне не хватает сантиметров двадцать, а короткая стрижка и грудь второго размера не впечатляли.

– Не боитесь клещей? – заинтересовалась я и кивнула на голые ноги девушек. Обе дамы щеголяли короткими шортами.

– Не боимся, сейчас репелленты от них выпускают. Не знала? – небрежно ответила мне шатенка и сморщила, к моему полному расстройству, замечательный носик.

– Ну, ну, – хмыкнула я и пошла прочь от этой троицы.

– Вы бы не ходили одна по лесу, – сказал мне в след тот, кого называли ангелом.

Я не оборачиваясь, помахала ему рукой.

«Глупое у тебя прозвище! Охраняй своих девиц дальше», – подумала я, признавая, что парень мне очень понравился.

Твёрдый четкий подбородок, красивая линия рта, высокие скулы Хорошая спортивная фигура: не накачанная излишне, а сухая, гибкая, как у танцора, уж в этом я разбираюсь. Немного, правда, плечи широковаты и мышцы на руках чуть больше, чем нужно.

«Кому нужно? И как только успела всё заметить», – выговаривала я своему влюбчивому несерьёзному сердцу. Скорее всего, этот представитель мужского племени так избалован женским вниманием, что на такую, как я, второй раз и не взглянет.

Проходя мимо привязанных к деревьям лошадей, я не удержалась и погладила каурюю кобылку. Она доверчиво потянулась к моей руке. Я достала из кармана джинсов завалявшуюся там конфету. Как хорошо, что я сладкоежка. Теперь смогу угостить эту красавицу. Лошадь аккуратно взяла лакомство с ладони.

– Любишь лошадей? – услышала я позади себя уже знакомый грассирующий голос.

Мужчина подошел ко мне совершенно бесшумно. Я обернулась.

– С детства. Когда-то даже просила родителей купить мне лошадь.

– Ангел! Мы тебя ждем, – позвали его спутницы.

На пару секунд мне показалось: досада отразилась на его лице. Но он тут же улыбнулся и крикнул девушкам:

– Сейчас иду.

Потом снова повернулся ко мне.

– Вы отдыхающая?

Я кивнула.

– Извините, что напугали вас. Тогда на дороге.

– Извиняю, – улыбка растягивала мой рот до ушей. – Ну ладно, вам нужно идти, мне тоже.

Я возвращалась в Вереево, досадуя на себя. Приехала заниматься серьёзным делом, а сама занимаюсь чёрте чем. Неужели боль от потери сестры не мешает мне заглядываться на мужчин. Дорога к дому бабы Поли заняла немного времени. Как-то я прочитала в книге выражение «Синие сумерки опускались на притихшую землю». Прочитала и решила: выдумки. Я сельский житель и сто раз наблюдала, как наступает вечер. Постепенно всё вокруг теряет яркость. Темнота сначала поглощает дальние дома, деревья, предметы, подступая ближе и ближе к любому источнику света. А в этом селе воочию увидела: не успело солнце скрыться за горизонтом, как вокруг всё стало сине-фиолетовым. Я шла по улице и любовалась светящимся

синим воздухом. Приятно пахло маттиолой и душистым табаком, видимо, пряные растения были посажены во многих дворах сельчан. У нас в семье тоже любили эти цветы – мы с мамой сажали табак и ночную фиалку не только в палисаднике, но и на огороде в нескольких местах.

Я открыла калитку хозяйского дома. Ага, у бабы Поли тоже имеется маттиола. Днём я не обратила внимания на невзрачные кустики, растущие вдоль дорожки от калитки и до крыльца. Во дворе дома за столом сидела Полина Андреевна и незнакомая мне старушка. Лампочка в круглом матовом плафоне, висящая над их головами, светила тускло, поэтому я не могла разглядеть собеседницу хозяйки.

– Настенька, чайку хочешь? – окликнула меня Полина Андреевна.

Я подошла к бабушкам ближе. Обе женщины, несмотря на тёплый вечер, были одеты в байковые халаты с длинными рукавами. Расцветка халатов удручала: мелкие невзрачные цветочки на тёмном фоне. В отличие от хозяйки, новая знакомая мне не понравилась. Её морщинистое лицо с обвисшими брылями щек, нос сливой, опущенные уголки губ – всё вместе создавали образ вечно недовольного человека.

– Добрый вечер. Спасибо за приглашение, но нет. Сейчас приму душ и спать.

– Познакомься, это моя соседка и подруга Зоя Ивановна.

Старушка ехидно посмотрела на меня. Я попыталась изобразить радушную мину на лице.

– Приятно познакомиться.

Я потопталась у стола, не зная, что сказать.

– Пойду купаться. Хорошего вам чаепития.

Я не успела отойти на достаточное расстояние, поэтому услышала:

– Ещё одну вертихвостку приветила. Не надоело за ними прибираться?

– Зря ты так говоришь, Зоя. С девочками мне не так одиноко. Ты вот не одна живешь, можешь с Колей перекинуться парой слов, а я с кем?

Соседка проворчала:

– Со мной. Почитай, каждый день видимся.

«Противная старушка, – решила я. – То-то она мне сразу не понравилась».

Перед сном позвонила родителям. Трубку взял отец. Я успокоила его, рассказала о замечательном доме Полины Андреевны, о доброй хозяйке. Пообещала быть осторожной и внимательной. Спросила о маме. Новости были неутешительные.

Проснулась я от оглушительного гомона птиц за окном.

«Они что, собрались сюда со всего леса?» – рассердилась я и накрыла голову подушкой.

– Настенька, я чай согрела, – слышался голос Полины Андреевны за дверью. – Ты уже встала?

Терпеть не могу, когда меня называют Настенькой. На ум сразу приходит фильм-сказка «Морозко» и нежная слабенькая героиня, дочь старика, Настенька. Видимо, не суждено мне сегодня понежиться в постели. Я вытащила голову из-под подушки, откашлялась и громко сказала:

– Минут через десять приду.

Окно в моей комнате выходило в небольшой сад. Сквозь деревья просматривались огородные грядки. Я открыла окно настежь и перегнулась через подоконник. Невысоко. Вполне можно вылезти и забраться вновь. Густой спорыш рос сразу возле отместки дома. Прекрасно, он заглушит шаги. Травы не было только под деревьями, а так она густым ковром укрывала землю в саду. Я накинула лёгкий сарафан, и отправилась на кухню.

– Давай быстренько умывайся и за стол, – заявила баба Поля.

Я сглотнула слюну. Стол радовал глаз горкой кружевных поджаристых блинов, золотистым медом и блюдцем густой сметаны.

После водных процедур, сделанных столь молниеносно, что солдаты бы обзавидовались, я сбегала в свою комнату и вернулась на кухню с палкой сухой колбасы и баночкой моего любимого варенья из брусники.

– От нашего стола вашему столу.

Баба Поля молодец, не стала отнекиваться.

– Будем резать колбаску или этого хватит? – обвела она рукой завтрак.

– Мне хватит. – Я уселась на древний, но очень удобный стул с закругленной спинкой.

– Тогда отправим колбаску в холодильник. – Старушка покрутила в руках баночку с вареньем. – Давно не пробовала брусники. Лет двадцать назад одна приезжая из Сибири угощала меня им.

– А у нас дома ни одно чаепитие без этого варенья не обходится. Нам тоже бабушка ягоду присылает из Сибири, – сообщила я, отправляя первый блин в рот. – Божественно. Вы, Полина Андреевна, повар от бога.

Старушка улыбнулась – её круглое полное лицо, словно, осветилось изнутри.

– Рада, что тебе понравилось. А варенье твое вкусное, – похвалила она.

– И полезное. Знаете, как в старину называли бруснику? Ягодой бессмертия. В ней куча витаминов, полезных кислот и минералов. Я с детства люблю пить чай с брусничным вареньем. И папа, и дедушка его обожают, а вот мама и бабушка к нему равнодушны. Но больше всего мне нравится свежая ягода, такая у неё приятная кислинка и неповторимый вкус.

После шести блинов с разной начинкой и пары чашек чая я откинулась на спинку стула. Мой осоловелый взгляд уперся в пожелтевшую фотографию молодой женщины, стоящую на холодильнике в затейливой рамочке. Свежий утренний ветерок колыхал короткую кружевную занавеску, по снимку скользили тени и солнечные блики, от этого казалось, что незнакомка на фото движется.

«Наверно, это Полина Андреевна в молодости», – решила я. Уж больно женщина походила на мою хозяйку.

– Хороший снимок и красивая рамочка. Белые ромашки делают её нарядной, – сказала я, показывая на фото.

– Красивая, – согласилась старушка. – Света больше других цветов любила ромашки и называла их по-старинному – Нивяника. Она рассказывала: в древности ромашку именовали «Романов цветок» и считали её зонтиком для садовых гномов.

– Как интересно, – воскликнула я, понимая, что промахнулась с догадками, и на фото вовсе не Полина Андреевна.

Хозяйка загрустила, на её глаза навернулись слезы. Я уже была не рада, что фото попало мне на глаза.

– Это Света – моя дочь, – пояснила баба Поля. – Она умерла...

– Извините, Полина Андреевна, не хотела вас расстраивать.

– Ничего. Ты ни при чем. Сколько бы ни прошло с того дня... Время не лечит... – Старушка промокнула глаза салфеткой и стала убирать посуду.

– Давайте помогу вам. – Я вымыла чашки, тарелки и поставила их в сушилку.

Окна кухни выходили во двор, и отсюда прекрасно просматривалась дорожка до калитки и часть улицы.

– Спасибо вам за завтрак. Я пойду в сад, позагораю и заодно поработаю.

Баба Поля кивнула.

– Отдыхай, конечно. Я с Ивановной на рынок собралась. Может, тебе чего купить?

– Не надо. Если что-то понадобится, я сама в магазин схожу.

В саду между деревьями я расстелила покрывало, положила на него ноутбук, блокнот и ручку. Рабочая обстановка создана. Ночью я собиралась сделать вылазку по селу. Для этого мне нужно днём хорошо исследовать пути-дорожки. Мне очень не хотелось, чтобы хозяйка узнала о моих будущих путешествиях по ночам. Повалевшись на покрывале минут десять, я влезла в окно своей комнаты, переделалась в джинсы и футболку. К щиколотке пристегнула электрошокер, мало ли кто может встретиться мне по дороге. Вдруг маньяк?

Ну что ж, начнем с обследования сада. Забор из сетки рабицы оплетал дикий виноград. Возле забора я набрела на кусты красной смородины. У нас дома эта ягода не растёт. Мы с мамой сажали её несколько раз, но кусты почему-то засыхали. Я срывала кислые упругие ягодки и отправляла их в рот. Они лопались на языке, как крупные икринки, орошая небо вяжущим соком.

– Ягода ещё кислая, не стоит её есть, – услышала я чей-то голос совсем рядом.

За невысокой сеткой стоял мужчина чуть за тридцать. Его по-совиному круглые глаза за элегантными очками выглядели немного трогательно. Очки увеличивали не только глаза, но и ресницы, и они-то пушистые и густые придавали взрослому мужчине некоторую детскость. Чуть капризные полные губы и гладко выбритые щеки тоже не добавляли ему зрелости.

– Вы Николай, – догадалась я. Он чем-то неуловимо походил на подругу Полины Андреевны. Носом и глазами что ли? И уверенно добавила: – Внук бабы Зои.

По лицу мужчины пробежала тень досады.

«Бабка, кажется, конкретно достала своего внука», – подумала я, глядя на его гримасы.

– Угадали. Давайте познакомимся, соседка. Меня вы уже знаете, – произнёс мужчина и протянул ко мне руку над низкой оградой. На его ладони лежала крупная желтая малина. – Попробуйте. Это будет лучше кислятины, которую вы ели.

Я подставила обе ладони. Он высыпал на них янтарные ягоды.

– Меня зовут Настя, – представилась я. – Спасибо за малину.

– Ешьте на здоровье. Мне пора. Всего хорошего. – Николай помахал мне рукой.

Сквозь плети винограда я увидела: он нагнулся, сорвал несколько веточек укропа с грядки и пошел к дому.

Я посмотрела ему вслед на его крупную, чуть сутуловатую фигуру и решила: иногда яблочко от яблоньки далеко падает. Приятный и обходительный мужчина, хоть и родственник бабы Зои. На первый взгляд он производил впечатление доброго, интеллигентного и умного человека.

В саду под краном я вымыла ягоду и с удовольствием съела, наслаждаясь её медовым вкусом. Широкая дорожка делила огород бабы Поли пополам. Мне показалось, что если по ней пройти до конца, а потом свернуть на узкую полосу травы между следующими участками земли, можно попасть на улицу параллельную Озерной. Я прошла по дорожке до конца огорода и совершенно случайно обнаружила неприметную калитку, скрытую вездесущим диким виноградом. Сначала мне показалось, что калитку я не смогу открыть, так сильно её оплела лоза. К моему удивлению, она распахнулась сразу. Пройдя по полосе травы метров сто, я выбралась на небольшую детскую площадку между домами и оказалась на другой улице. Замечательно. Теперь я знаю, что дом бабы Поли можно покинуть двумя путями. Через огород и обычной дорогой. Пригодится.

Табличка на доме из белого кирпича гласила: улица Цветочная. Красивое название, но вот дорога на этой улочке ни в дугу – гравийка. Идти очень неудобно. Однако по улице Цветочной я добралась до реки быстрее: не пришлось делать круг. Постояв немного у воды, решила проведать дольмены. Я не стала спорить со своим внутренним, а потому более благоразумным голосом. Просто посоветовала ему заткнуться. Мне очень хотелось увидеть Ангела. Я шагала по щебёночной дороге, углубившись в лес, и радовалась прохладе. Стук копыт расслышала задолго и, не соображая, что делаю, юркнула в кусты. Мне пришлось вытерпеть десяток кома-

риных укусов, прежде чем всадники показались на лесной дороге. К моему разочарованию и одновременно облегчению группу туристов сопровождал незнакомый мне мужчина. Коротко стриженные волосы незнакомца поблескивали сединой, немного угрюмое лицо с крепко сжатыми губами промелькнуло перед моим взором. Я выбралась из кустов и повернула назад в Вереево. Надежда увидеть сегодня Ангела угасла. Не доходя до улицы Озёрной, заприметила великолепную поляну, сплошь усеянную крупными лесными ромашками. Я нарвала охапку цветов, сплела себе венок, полежала, глядя в небо. Поплакала, вспомнив о сестре, позвонила родителям. Высоко в небе надо мной звонко пела какая-то птица, тревожа сердце.

«Нужно возвращаться, а то баба Зоя начнет искать», – подумала я и тут обнаружила, что не знаю в какую сторону идти. На поляну выходило несколько тропинок. Метрах в шестидесяти от меня я вдруг заметила девушку в ярко-синем платье в белый горошек. Как она здесь оказалась и почему я не увидела её раньше? Я обрадованно закричала:

– Подскажите, пожалуйста, в какой стороне село?

Незнакомка смотрела на меня и молчала. Я направилась к ней, решив, что она не слышит. Взгляд от девушки отвела только на секунду, а она исчезла из моего поля зрения. Я растерянно смотрела по сторонам, но нигде никого не было.

«Пригрезилось. Голову, наверно, напекло, – решила я, – пойду, как в сказке, куда глаза глядят.

Мне повезло, проплутала недолго. Задумавшись, обнаружила себя на окраине села у калитки старого дома. Покосившаяся от старости лавочка примостилась у ветхого забора. Я присела на неё и расшнуровала кроссовок. Камешек попал внутрь и натёр ногу. Он оказался крохотным, но мешал идти.

– Это не поможет тебе, – проскрипел чей-то голос за спиной.

Я оглянулась. За низким забором стояла старуха – вылитая ведьма, как их изображают на картинках. Нос крючком, длинный подбородок загнут вверх, вместо губ узкая щель, седые космы торчат из-под черного платка. И только ясные глаза смотрят цепко, колюче и серьёзно.

Я проследила за её взглядом и вспыхнула: штанина задралась, электрошокер выглядывал наружу.

«Вряд ли она знает, что это такое», – вздохнула я облегченно и поправила джинсы.

– Простите, что вы сказали? – Нового персонажа села Вереево я рассматривала с удовольствием.

– Ничего не поможет, когда он схватит тебя. Лучше просто уезжай отсюда, пока не поздно, – ошарашила меня старуха.

– Вы, Феодора, – догадалась я. – А откуда вы знаете про электрошокер? Скажите, вы, правда, видите сквозь одежду?

Лицо бабки перекошилось, став ещё непригляднее.

– Что, уже слышала обо мне?

– Ага. От одного пьяного дурака в автобусе, – буркнула я и поёжилась от пронзительного взгляда светло-голубых глаз.

– Гришка, – поняла она, о ком я говорю, – вечно мне дули в карманах крутил. – Феодора улыбнулась.

Я с удивлением увидела у неё во рту вместо ожидаемых жёлтых клыков – ряд ровных белых зубов.

– Извините. Вы и впрямь ведьма? – спросила я с запинкой, чувствуя себя даже не круглой, а квадратной идиоткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.